

Анатолий БАЙБОРОДИН

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Очерк о языческом и христианском в народной этике

РУССКИЙ МЕСЯЦЕСЛОВ

Русское народное христианство... Русский народ, до начала XX столетия на девяносто процентов крестьянский, в большинстве своём не ведал азы, буки, веди и Святое Писание знал изустно, долгими зимними вечерами при свете лучины, комелька, жирника либо сальной свечи слушая грамотеев-книжечеев, читающих Библию либо Закон Божий и по мере духовных сил толкующих святыя сочинения. С летами, веками народилось в мужиках и бабах благоговение перед воображаемыми библейскими событиями, а вещи сказители запечатали их *по-русски*, словно и случились события в русской земле.

С христианизацией крестьянства народный месяцеслов, в основе которого оставался прежний природно-хозяйственный, обрядовый календарь, выстроился в лад православно-церковному календарю и освятился, изукрасился евангельскими событиями, кои обрели в народной мифологии *русскость*.

Народно-православное мировоззрение, увы, грешит языческими суевериями, прости Господи чадам земли, но когда евангельские события пол-

новластно входят в народную обрядовую жизнь, облекаясь земными легендами, то в сём нет греха, поскольку простолюдье искренно верило, что Человеколюбец не токмо ожидает нас, грешных, во Царствие Божию, но Спас всегда среди нас, что подавая милостыню убогому юроду и христораднику с церковной паперти, Господу Богу подаёшь. И, не ведающие азы и буки, узрели то крестьяне подетски чистой, творческой душой, к тому ж и речено в Писании: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня...» (Мф. 25:35).

Согласно старорусским месяцесловом, народные обычаи и обряды, связанные с христианскими праздниками, в Сибири были такие же, как и по всей Руси Великой, ибо и населили сибирскую Украину землепроходцы, казаки, промысловики, пахотные крестьяне из разных российских губерний. Но вершились христианские праздники в Сибири в большем ладу с церковным уставом, нежели в южно-русских, украинских и белорусских землях, где грешно и ярко буйствовали языческие обрядовые страсти. По духовной строгости и житейской степенности праздничная обрядовая жизнь в Сибири близка обрядовым действиям Русского Севера: похоже, землепроходцы с архангельщины, северной вологодчины, изначальные засельники Сибири, и задали обрядовый тон в сибирской земле. Но опять же русский народный писатель Василий Белов в книге «Лад», описывая рождественские обряды и святочные народные увеселения на вологодчине, поминал «Ночь перед Рождеством» Николая Гоголя и находил созвучие в духе и характере обрядов украинских и вологодских, да и немудрено: в Малороссии и Севернороссии – «русский дух и Русью пахнет».

Крещёные века породили в крестьянском мире изрядно календарных обычаев и обрядов, касаемых

107

БАЙБОРОДИН Анатолий Григорьевич – один из самых ярких представителей современных русских сибирских писателей, обладающих неповторимым уникальным стилем, замешанным на прибайкальском и забайкальском говоре и фольклоре. Преподаватель стилистики и русской этики филологического факультета Иркутского университета как прозаик и публицист печатается во многих литературных изданиях нашей страны, в числе которых «Наш современник», «Огни Кузбасса» и другие. В его авторском арсенале – десяток книг. Изданный отдельной книгой более 20 лет назад «Русский месяцеслов» мгновенно разошёлся по библиотекам и книжным магазинам, став библиографической редкостью. В нём впервые в фольклорно-этнографической и календарной литературе XX столетия церковный православный и народный календари были слиты воедино – как и происходило в реальной жизни русского крестьянства. В «Месяцеслове» хронологически («Рождественский сочельник», «Рождество», «Святки», «Страстная седмица», «Великий пост», «Пасха Христова» и т. д.), в доступной форме, аргументированно и обоснованно даются трактовки православных праздников, их связи с русскими обычаями и традициями, а также жития наиболее почитаемых на Руси святых.

«Русский обычай» – так обозначил автор весьма объёмный очерк о языческом и христианском в народной этике. В нём несколько разделов, в которых А. Байбородин постоянно делает ссылки на свой «Месяцеслов». Редколлегия журнала посчитала целесообразным нарушить последовательность разделов данного материала, разбив его на несколько частей, и начать публикацию в ряде номеров этого года именно с «Русского месяцеслова». Мы полагаем, что данный материал не останется без внимания и в общеобразовательных школах Кузбасса, в библиотеки которых в обязательном порядке распространяется наш журнал.

А. Б. Байбородин является членом Союза писателей России. Живёт в городе Иркутске.

Рождества Христова, Воскресения Господня (Пасхи), Крещения Господня, Святой Троицы, Покрова Божией Матери...

* * *

Рождественский сочельник... Истекал Рождественский (Филиппов) пост, прозываемый в русском простонародье холодным. Сухо потрескивали, звонко пощёлкивали рождественские морозы, щипали нос и уши, облачали снежными куржаками кусты и дерева, малевали на окошках синеватые кружева: дивные леса, где летят рай-птицы, скачут гривастые кони.

Кроме тех, кто о ту пору добывал зверя в тайге либо ямщикал – кормился с ружья или бича, православные сибиряки постились и брюхом, и духом от самого Филиппова заговения, и в особо суровом плотском воздержании, непрерывной сердечной молитве проживали исход поста – день и ночь на Рождество Христово. День навечерия, или канун Рождества, величается *сочельник*, или *соче(и)вник*, в этот вечер по церковному уставу крещёные ели *сочиво* (сушёные хлебные зёрна, размоченные водой).

Иные крестьяне, воистину чада природы, при сём творили и обряды, выжившие из славянской старины: скажем, в Рождественский сочельник, как и накануне Крещения Господня, палили посередине двора солому – обогревали прилетающие на своё подворье души усопших родичей. И при всплесках огня слёзно молили Бога об упокоении и прощении их душ, а попутно напоминали родичам, чтобы попросили у Боженьки урожая и приплода. И в сём обряде не таилось богопротивного греха – согласно святоотеческим преданиям, не рвётся духовная нить между насельниками иного и сего миров, и живые молятся о покойных, а покойные о живых.

В Рождественский сочельник домовитые хозяйка молились со свечой до вечерошной звезды, зорко приглядывали за скотом, ибо в ночь перед Рождеством Христовым, по народным, преданиям буйствует нечистая сила, от которой отрекивались всяк на свой лад, но непременно молились Господу Иисусу Христу, Пречистой Матери Божией, преподобным и богоносным отцам нашим и всем святым. И уж помолясь, перекрестясь, дёгтем либо углём чертили на оконных и дверных косяках кресты, обкуривали стайки, сеновалы, завозни богородичной травой.

Канун Рождества Христова в народе звали ещё и *кутейником*, и это не значит, что в сей день православные *кутили*, пускались во все тяжкие; упаси Бог, нет. На закате дня к вечерошнему столу обычно подавали обрядовое блюдо, именуемое *кутьёй*, кою заваривали из зёрен пшеницы, сухой черёмухи и хлебного сусла.

В сочельник после долгого моления в церкви ладилы крестьяне щедрый ужин с кутьёй и мёдом. К ужину, случалось, приглашали и Мороза Васильевича. Милый выживший из славянской древности игривый обычай, греховно мистически не облачённый, созвучный детскому *окликанию* Деда Мороза на рождественской ёлке. (Кстати, неслучайно у Мороза и отчество Васильевич: Новый год по старому стилю (от царя Петра – 1 января по Юлианскому календарю) сливался с днём святителя Василия Великого и прозывался Васильев день, когда и затевались детские новогодние игры с Дедом Морозом.) Хозяин дома, приотворив дверь в сени, окликал Мороза Васильевича, и малые чадушки, которые ещё пешком ходили под стол, сладостно замирали от страха – ждали, вот сейчас с клубами мороза валится сам сказочный Дедушка Мороз.

– Мороз, мороз! – звал хозяин Мороза Васильевича к постному застолью. – Иди в хату есть кутью. Зимой ходи, а летом под колодиной лежи!

Мужик просом просил, а иной, не церемонясь с Морозом Васильевичем, повелевал:

– Мороз, Мороз Васильевич! Ходи кутью есть! А летом не бывай, – и мужик грозно сулился, – а то цепом бошку проломлю, метлой zenки высеку!

И проломят, и высекут... С них, деревенских мужиков, станется... Ибо для мужика-хлебороба заморозки посреди лета полютей ворога, богатыря Сокольника-Жидовина либо поганого бусурманского Калин-царя.

В сочельник крестьяне щедро кормили домашнюю скотину, и первый блин сочельника подносили овцам. Обряд сей прямо связан с Рождеством Христа: Мать Божия спеленала новорожденного Сына Божия и положила в ясли для скота. «Родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице...» (Лк. 2.7). Далее в крестьянском воображении родилась картина: лошадь разметала сено, коим овцы утепили Отроче Младо, чтобы не мёрз, но овцы снова укрыли Богомладенца. И овцам в Благой вести изрядный почёт, коли сам Спаситель в проповедях величает себя Пастырем, пасущим овец – души людские.

* * *

Рождество Христово... Воскресение Христово (Святая Пасха Господня) и Рождество Христово – самые отрадные христианской душе праздники, в кои из лета в лето, снова и снова с великой очистительной силой, ярко и радостно светится в душах любовь ко Спасителю нашему Иисусу Христу.

Нарядные, с тихими сияющими лицами важно шествуют православные в родные храмы, где служится всенощное бдение, часы и божественная литургия Иоанна Златоуста. Трепещут в таинственном

дуновения свечовые огоньки, ликуют в предвещии Рождества Отроче Младо, и в умиленном до слёз сладостном ожидании ежегодного чуда замерли русские братья и сестры во Христе, слитые в божественную реку любви – любви к Вышнему и ближнему, всепрощающей любви и к тем, кто наемдн обидел, унизил, оскорбил: «Прости им, Господи, а мы зла не помним».

Хор ангельски поёт тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий, звездою учаея Тебе кланяться, Солнцу правды, и тебе ведети с высоты Востока, Господи, слава Тебе!» И в душах боголюбцев, богомольцев звучат святые словеса: «Нас бо ради родися Отроча младо...», словно херувимы поют под церковным куполом.

Является редчайшее, наслаждающее ощущение, что и в твою многогрешную душу ласково и прощающе вселяется Господь Милосердный, и ты зришь, что вся твоя земная жизнь в печалях и заботах не ради Иисуса, а ради хлеба куса, ради грешных утех и потех, пуста и бессмысленна перед загробной вечностью, где душе вечно скорбеть пред Господом за дела и помыслы.

А ровно в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плывёт рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над радостными деревнями и городами, и народ крещёный единым гласом вторит ликующему творению божественного поэта святого Романа Сладкопевца: «Дева днесь Пресуществоваго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествуют; нас бо ради родися Отроча младо, превечный Бог».

И задолго до рассвета, причастившись, православные возвращались домой, чтобы разговеться после поста и прославить Иисуса Христа.

Но, случалось, молились и дома «до самой до вечерошней звезды», а на рассвете отправлялись к заутрене. Наш славный бытописатель Сергей Максимов поминал: «Обыкновенно перед закатом солнца хозяин со своими домочадцами становится на молитву, потом зажигает восковую свечу, прилепляет её к одному из хлебов, лежащих на столе, а сам уходит во двор и приносит вязанку соломы или сена, застилает ими передний угол и прилавок, покрывает чистой скатертью или полотенцем, и на приготовленном месте под самыми образами ставит необмолоченный сноп ржи и кутью».

* * *

Святки... Ближе к полудню, когда играло солнце, по городам и посадам, по деревням и селам расхаживали христославы, славя Царя Небесного Иисуса Христа, – то святые вечера, православные святки.

Ядрёно похрустывая сухим снежком, краснощёкие с мороза и выпитой рюмки, в распахнутых полушубках бродили христославы из дома в дом, пели славу Богу, пока, бывало, не осипнут. Носили при себе образ Спаса и Матери Божией, деревянный ларец на жёрдочке, вроде избушки, и аляповато, но радостно размалёванную звезду. Ларец – се вертеп, пастушья пещера, где Божия Мать родила Иисуса Христа и, спеленав Чадо малое, уложила в ясли, куда пастухи кидали сено дворовой животины; а расписная украсная звезда – се звезда Вифлеемская согласно Благой Вести: «Волсви с востока приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский, видехом бо звезду Его на востоце и приидохом поклонится Ему» (Мф. 2:1).

О русском христославении известный народовед позпрошлого века Иван Сахаров говорил: «Славление на Руси заключается в хождении с вертепом, звездою, рацеями и виршами. Вертеп в Сибири прежде устраивался в виде ящика о двух ярусах. Здесь помещались деревянные фигуры. В верхнем ярусе изображались смерть Ирода, а в нижнем Ириадины пляски. В вертепе горели свечи. Славельщики ходили с ними по домам. За пение награждали лентами и пирогами».

Изображение в вертепе *Ириадиных*, вернее Иродиадиных, искусных плясок говорит о том, что в крестьянской мифологии Иродиада, прелюбодейная сожительница царя Ирода, сливалась с её дочерью Саломеей, коя по Писанию и плясала перед царём. В награду за пляску мать плясуньи обрела голову Иоанна Крестителя, «...ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего...» (Мф. 6, 18).

Подобные искажения библейских событий, увы, жили в календарных обрядах русского крестьянства, поскольку сельские жители царской эпохи не ведали книжной грамоты и Святое Писание воспринимали на слух. Если крестьяне строго соблюдали посты, хранили в душе любовь к Богу и ближнему, то иные библейские события и жития святых расцветили, изукрасили поэтическими мифами, не лишёнными, впрочем, суровой христианской назидательности, тёплой любви к Богу и ближнему.

В деревенском мире святочное христославение разыгрывалось на улицах и подворьях; а бывало, с клубами мороза христославы гомонливо вваливались в избу и, перекрестясь на божницу, поясноклонясь, дружно славили Христа.

Голосистый христослав бойко выводил:

*Пречистая Дева Мария
Иисуса Христа породила,
В яслях положила.
Звезда ясно сияла,
Трём царям путь показала –*

Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колени припадали,
Христа величали.
Слава Богу на небе.
Слава!
Государю нашему на сей земле
Слава!
Его цветному платью не изнашивать.
Слава!
Его добрым коням не изъезживаться.
Слава!
Его верным слугам не изменяться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси.
Слава!

Хозяева и домочадцы вставали из-за стола, празднично щедрённого закусками, низко кланялись христославам, звали к столу отпочтеваться, как в сказке, за белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. И ликование Христа ради распирало души, и все друг другу прощали обиды, словно в прощёное воскресенье, и все вдруг счастливо осознавали, что они братья и сёстры во Христе. А то братство и сестричество покрепче кровных уз, что братья и сёстры не оставят друг друга в беде, не забудут в радости, не помянут злое, ибо кто злое помянет, тому глаз вон.

Чаще же хозяева влекли христославам к застолью, а те не присаживались... В других домах, мол, заждались, все окошки проглядели... Но, отпахнув крапивный куль, принимали подношения: пироги да шаньги. Впрочем, на посошок, случалось, и выпивали сладкой водочки да наливочки, закусывали пирожком да и с Богом трогались дальше славить Отроче Младо.

Христославление причудливо сплеталось с колядованием. Коляда известна была на Руси и под именем Авсеня (Овсеня), Таусеня.

Таусень, Таусень,
По проулочкам, по переулочкам.
Коляда, коляда,
Подай пирога!
Не дадите пирога –
Мы корову за рога.
Радуйтесь, люди,
К вам Христос будет,
Зародит хлебы-житы,
Пшеницы всякой!..

В Сибири колядовали (*машкарадились, цыганили*) со второго или третьего дня святок. Ряженые в маски (*хари, личины*) гурьбой расхаживали по домам и пели колядки, слитые с христославлением.

У парней и девчат в святые вечера зачинались весёлые посиделки, вечерки с песнями и потешными играми, где частенько избирались пары, после чего шли сватанья и свадьбы. Посиделки, согласно могучему здоровью и весёлому нраву тогдашней сибирской молодёжи, были порой внешне грубоваты, буйны, но никогда не доходили до греха, поскольку опороченной девушке или порочному парню земляки уже не давали житья – согрешившие, что случалось крайне редко, не миновали мирского осуда и становились отвержками крестьянского мира. В селе и деревне грех не утаишь...

Озорная молодёжь в этот день шалила: могли залезть на крышу дома и надеть шапку на трубу – хозяин утром печь затопит, а дым весь в избу; могли водой приморозить дверь, выкатить сани со двора и поставить на попа посередь улицы... Мужики, коль прихватят, случалось, и охаживали парней бичами за эдакие проказы, но и быстро прощали, вспоминали, что и сами по младым летам озоровали, и понимали: шутя-любя озоруют.

С Рождеством Христовым мистически связан день памяти мучеников *14 тысяч младенцев, от Ирода в Вифлееме избивенных (11 января)*; и в русском народе, «когда празднуется память избивения младенцев царём Иродом, в старину обыкновенно детей будили плетью, чтобы таким путём укрепить в памяти детей кровопролитное событие; самый день, в который приходился этот праздник, считался чёрным» (*М. Забылин*). Хотя и будили плетью, но весь день взрослые были особо ласковы и чутки с малыми чадами: читали им Евангелие для детей, сказывали сказки, загадывали загадки: «Отчего собака лает?» (*Не умеет баять.*), «По чему детушки в лес ходят?» (*По дороге.*) «Царская монета грош. Чем её назовешь?» (*Языком.*).

* * *

Страстная седмица... Пасхе Христовой предшествует Великий пост, когда христианская душа очищается от скверны, воскресает для любви к Богу, к брату и сестре во Христе. Яко радетельный садовод спасает яблони от зловредной тли и прочих вредителей, дабы яблоня щедро рождала сладкие плоды, так и Спаситель спасает души от грехов, чтобы души щедро рождали любовь к Богу и ближнему.

Священники же толковали народу: «*Пост... истинный, яко божественные писания показывают нам, не обращен токмо сиречь пищи и пития удалитися, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися, и от великого греха всегда храните себя*». А посему православные постятся не столь брюхом, сколь духом – живут в умиленной любви к Богу, во всепрощающей, сострадательной любви к брату и сестре во Христе.

Страстная седмица Великого Поста – скорбные дни крестных мук и страданий Спасителя мира, Господа Бога нашего Иисуса Христа. В сии печально священные дни боголюбцы от воздержания в скромной еде переходят на хлеб и воду.

Страстная седмица, согласно евангельским событиям предшествующая Воскресению Христову, породила изрядно крестьянских обычаев и обрядов. Со дня Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресение) крестьяне ставили освящённую вербу на божницу, вербой же ласково били друг друга и выгоняли скот со двора, вербные пушинки крошили в семенное зерно. Все сие творили в память о том, как Иисус Христос, сидючи на ослиати, въезжал в Иерусалим, и восторженные иудеи устилали дорогу ветвями пальмы, что на Святой Руси обратилась в пушистую вербу. Увы, те же иудеи, уже невесторженные, озлобленные, вопили, глядя на поруганного Иисуса Христа: «Распни!..».

«В продолжение всей Страстной седмицы крестьяне <...> не покладывают рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки <...> и привести свои убогие жилища в чистенький и по возможности нарядный вид. <...> В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». <...> Покончив с убранством избы, бабы приступают обыкновенно к стряпне. <...> Пекут куличи, убирая их мармеладом, монпансье и другими цветными конфетами. <...> К вечеру Великой субботы <...> народ спешит в церковь слушать чтение «страстей» (С. Максимов). Забайкальские крестьяне перед Пасхой, как и перед иными великими христианскими праздниками, шоркали избы изнутри и снаружи мелким песочком и венничком-голячком, а потом начисто промывали.

Но вернёмся к Страстной седмице Великого поста... В чистый четверг в память о Тайной вечере в обрядовом ходу была четверговая соль, ибо «омочивый на тайной вечери руку в солило, в знак предстоящего отступничества и предательства, вызвал обычай очищать ту соль, которая некогда была осквернена прикосновением нечистых рук нечестивого Иуды. Пережжённую, сероватого и чёрного вида соль перемешивают с квасной гущей, кладут в старый лапоть и бросают в огонь. Пережжённую соль столкут, просеют и затем считают настолько чистою и священною, что приписывают ей даже целебную силу, помогающую как людям, так и скоту. Эта соль считается в особенности пригодной для того, чтобы присолить ею первые освящённые после заутрени пасхальные яйца. <...> В воспоминании о преломлении хлеба каждый крестьянин подаёт в церкви заздравную просфору, по силе своей равнозначную с благовещенской. В иных местах этой просфоре (в Александровском уезде Владимирской губ.) приписывается иное значение, так

как крестьяне верят, что в Великий четверг Господь невидимо благословляет тот хлеб, который в этот день подаётся к обеду. Поэтому крошки и куски, оставшиеся на столе, тщательно собираются и хранятся как святыня, пригодная и полезная к употреблению во время болезни» (С. Максимов).

А в Приангарье «накануне Великого четверга, как лечь спать, хозяйка дома ставит на стол в «переднем углу» ковригу (хлеб) и соль, а под стол – пепел и смолу; соль и хлеб как воспоминание о «вечерней трапезе» Христа с Его учениками и предательстве Иуды; смола – как указание на смоляные факелы, с которыми искали Христа в Гефсиманском саду; значение пепла не удалось выяснить (Ангара). Перечисленные вещества получают название «четверговых» («четвергова соль» и т. д.) и применяются в сибирской народной медицине и ветеринарии. <...> Восставши на следующий день до солнца, «четверговой смолой» мажут «кресты» на дверях изб и скотских «клевов» (хлевов), чтобы колдуны и колдуньи не могли войти; «смоляны кресты» мажут на детишках, на коровах и овцах – во избавление от «порчи», чар «волхиток» (А. Макаренко).

Кроме обрядов, связанных с четверговой солью и сжиганием вереска, не менее значительными для русского человека были обряды, связанные с омовением. Вообще, страстная неделя перед Пасхой – это своего рода земное чистилище человека, когда человек должен был духовно очиститься, чтобы в полную душу пережить крестные муки Христа Спасителя за нас, грешных. И в этом очищении русскому человеку помогали молитва, пост и очистительные обряды, когда очищение вершилось с помощью огня (пережигание соли, вереска, можжевельника, татарника; через горящий вереск перегоняли скот и сами переходили); это же очищение совершалось и через омовение. Глубокой ночью, задолго до утренней зари, когда ворон ещё не успел выкупать своих воронят, наши деревенские бабы шли на речки, ключи (вода для подобного обряда должна была быть проточной). Набрав воду в посудыны, перед самым домом – это уже при восходе солнца – хозяйки обливались сами, потом обливали мужей, ребяташек. Омовение напоминало о том, как Спаситель омыл ноги апостола перед тем, как Иуда осквернил соль, для чего крестьяне и пережигали, чтобы вытравить дух иудиной скверны. При этом в воду обычно опускалась серебряная монета. Монета здесь – напоминание крещёным о том, как Иуда продал Христа за тридцать сребренников.

Коль речь коснулась Страстной седмицы Великого поста, грех не обмолвиться о постничестве набожных крестьян, вспомнить верные слова Сергея Максимова, писателя-народоведа позапрошлого века: «[Русский народ] не только соблюдает посты во всей строгости церковного устава, но идёт

в этом отношении значительно далее, устанавливая сплош и рядом свои постные дни, неизвестные церкви. Так, почти в каждом селе, в каждой деревне можно встретить благочестивых старух и стариков, которые «понедельничают», то есть, кроме среды и пятницы, постятся и по понеделникам. Некоторые же в своей душеспасительной ревности доходят до того, что за несколько лет до смерти или перестают есть скоромное или налагают на себя пост, в частности никогда, например, не едят мяса, яиц, рыбы; не едят ничего с маслом, будь то скоромное или постное; безусловно воздерживаются от вина, курения; дают обет никогда не есть яблок, картофеля, не пить квасу и пр. <...> Какая-то деревенская старушка призналась <...> священнику на духу, что окаянный смутил её и заставил в пост есть «скором». На вопрос же священника, что именно она ела, старушка поведала, что ела редьку, семена которой перед садкой были рощены в молоке. <...> Крестьяне и крестьянки, особенно из числа пожилых, радеющие о спасении души, скорее решатся умереть, чем опоганить душу скоромной пищей. <...>

Кроме воздержания в пище, крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание; считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком поступке не только подвергаются строгому вынужению со стороны священника, но выносят немало насмешек и от своих односельчан, так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги закон в посты. Особенно зорко следят бабы, чтобы «закон» соблюдался деревенским причтом: считается несмываемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будет избличён пономарь, дьячок, дьякон, а особенно священник. У Глеба Успенского приводится случай, когда мужики чуть ли не всем «обществом» потребовали объяснения у батюшки, которого бабы избличили в нарушении правил Великого поста. «Что же это ты, батя? – укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики. – Всё-то говоришь нам «абие, абие», а у самого-то у тебя выходит одно бабие».

<...> Взрослое население неослабно следит и за деревенской молодёжью, наблюдая, чтобы парни и девушки не затевали игрищ и ни под каким видом не смели петь мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. Вместо этих песен молодёжи предоставляется петь так называемые стихи, по характеру своему близко подходящие к старообрядческим «псалмам».

<...> Дети лишь с большим трудом выдерживают <...> строгий пост и нередко по забывчивости, свойственной ребяческому возрасту, хватаются за корки, но таких «бесстыдников» матери останавли-

вают обычной угрозой: «А вот поп как отрежет ухо да как отхлещет тебя кобылей ногой – так будешь знать!» (С. Максимов).

Придёт пост, прижмёт хвост – прямой смысл поговорки сей, имеющей и таинственный иносказательный смысл, в том, что пост, подобно молитве и созидательному труду, необходим для осветления души от мирской душепогубительной тьмы, коя густо заволакивает душу в хмельной и разгульной праздности.

В очерке «Семейский корень», что ныне увидел свет в очерковой книге «Сокровища Сибири», есть приложение «Обычаи, обряды старообрядцев Забайкалья», записанные мной в фольклорно-этнографической экспедиции в забайкальское село Большой Куналей, и в приложении есть запись о том, как семейские* крестьяне постились:

«Но приходит пост Великий. Бывало, всё повымоют, кадушки повышоркают, всё повысушат, чтоб уж ничего скоромного не было, – запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук** (кушанье в виде жидкой каши из муки и воды. – Прим. сост.) сладят, какую-то ботвиню сладят, с картошкой натолкут и ядят. Даже грудной, если грудь сосеть, – ему на Великий пост не дают грудь. Вот была такая жись... И как-то (народ) питался, жил. Да ещё здоровѣ был...» – Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г. р.

112 «Мяшаю молоко, топится у печке. Я молоко помяшала ложкой и эту ложку раз и облизала. Постный день ли, пост ли был, не помню. Я за печку забежала, да и на Божушка-то*** гляжу да думаю: «Может, Божушка-то мене не видел, что я ложку полизала». Давай запаном язык обтирать. Вот видишь, как мы боялись. А таперь никто не боится. «Ты ня ешь – пост...» – «Какой пост, чё пост?!» – Агафья Степановна Родионова, 1919 г. р.

Суеверные крестьяне утверждали: мол, накануне Пасхи Христовой лютуют бесы. «Злятся же черти в пасхальную ночь потому, что уж очень им в это время солоно приходится: как только ударит первый колокол к заутрене, бесы, как груши с дерева, сыплются с колокольни на землю. «А с такой высоты сверзиться, – объясняют крестьяне, – это тоже чего-нибудь да стоит» (С. Максимов).

Встарь православные христиане, старики и старухи, мужики и бабы зорко присматривали за отроками и отроковицами, парнями и девицами, дабы в пост, а тем паче в Страстную седмицу, не затевали игрищ и не пели мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. А посему ранешняя молодёжь во дни

* Семейские – старообрядцы Забайкалья.

** Эдиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 70.

*** Божушка – так семейские называли и Господа Иисуса Христа, и сами иконы с Его ликом.

Страданий Христовых *голосила* – пела печальные стихи, похожие на плачи, на похоронную причеть.

– Мати Мария,
Где ты спала-ночевала?
– Во Божьей церкви, во соборе
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный,
Будто Я Христа Бога породила,
В пелену его пеленала,
В шёлковый пояс обвивала...
Тут пришли нехристи,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали...
Стала Мати Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы её утешать:
– Ты не плачь, не плачь, Мати Мария,
Твой Сын воскреснет из гроба,
Затрубит во трубу золотую:
«Встаньте вы, живые и мёртвые!
Праведным душам – Царствие Небесное,
А грешным душам – ад крошечный:
Им в огне будет гореть не сгореть,
Им в смоле кипеть не скипеть...»

* * *

Пасха Христова... Иссыкала Страстная седмица, являлось Светлое Христово Воскресенье – праздник праздников, и к сему величайшему дню душа благочестивого крестьянина очищалась от греховной, плотской скверны Великим постом и, радостная, воскресала со Христом для любви ко Вышнему и ближнему.

В пасхальную ночь в церкви величавая служба – пасхальная всенощная с великим молебном и крестным ходом вокруг храма. Все молящиеся, оставив в церкви куличи и пасхи для освящения, в церковной ограде возжигают свечи и ждут, когда светлоризные священники с крестом, иконами и хоругвями выйдут из храма, чтобы крестным ходом обойти вокруг и прийти к «запечатанному гробу» Спасителя. Крестный ход оглашается стихирой: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

Обойдя церковь с молитвенным песнопением, крестный ход приступает к закрытым церковным дверям. Колокола пасхальным звоном возвещают о двенадцати часах ночи, и священник поёт: «Христос воскрес из мёртвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

Церковные двери широко отпахиваются, и ликующий люд входит в храм, словно течёт живая река, освящённая бесчисленными звёздами свечных огней.

«Величайший из христианских праздников – Святая Пасха – является любимым народным

праздником, когда душа русская растворяется и смягчается в тёплых лучах Христовой любви и когда связь с Великим Искупителем мира. <...> Вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. <...> Вот послышался и первый (протяжный и звонкий) удар колокола, и волна густо колеблющегося воздуха торжественно и величаво покатила по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. <...> Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть. <...> Когда отойдёт утренняя, ровно в 12 часов по приказанию ктитора в ограде палят из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знамением, и под звон колоколов раздаётся первое «Христос Воскресе». Начинается процесс христосования. <...> С первого же дня Святой Пасхи и на протяжении всей Светлой седмицы в деревнях обязательно служат так называемые пасхальные молебны, причём духовенство расхаживает по крестьянским избам непременно в сопровождении «оброшников» и «оброшниц», которые иначе называются «богоносцами» (прихожане, несущие за церковным причтом иконы. – *Прим. сост.*). <...> Кроме молебна в избе, многие крестьяне просят отслужить ещё один молебен, уже на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным: Власия, Мамонта, Флора и Лавра» (*С. Максимов*).

А на церковных службах сельские прихожане пристально слушали громогласного священника и зычноголосого дьякона, и среди славословий Бога на пасхальной литургии особо впечатляло православных «Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста»: «Кто благочестив и боголюбив – насладись ныне сим прекрасным и радостным торжеством! <...> Смерть! Где твоё жало?! Ад! Где твоя победа?! Воскрес Христос – и ты низвержен! Воскрес Христос – и пали демоны! Воскрес Христос – и радуются ангелы! Воскрес Христос – и торжествует жизнь! Воскрес Христос – и никто не мёртв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, – первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков! Аминь».

На пасхальную всенощную или заутреню крестьяне, случалось, приносили семенное зерно пшеницы, ржи, овса, гречихи либо клали возле домашней божницы в красном углу. Зерно, окропленное святой водой – *освящённое* (в храме или на молебне в избе), смешивали в сусеках с запасами семенного зерна, чтобы уродились хорошие хлеба.

Красное, алое, *багрецовое* яйцо, в досельную пору обычно окрашенное в луковой шелухе, вместе с

113

куличами и пасхами освящённое в храме, – верховный мистический символ Пасхи Христовой. «Наши крестьяне повсеместно не знают истинного значения и символического смысла красного яйца и даже не догадываются, что оно знаменует собой мир, обогранный кровию Христа и через то возрождающийся для новой жизни <...> (В Ярославской губернии. – Прим. А. Б.). Крестьяне, объясняя происхождение пасхального яйца, подходят ближе к истине, хотя далеко не всё себе уясняют. «Перед Пасхой, – говорят они, – Христос был мёртв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мёртвое, а между прочим, из него может живой цыплёнок выйти» <...> (По крестьянским поверьям. – Прим. А. Б.). Нельзя, например, есть яйцо и выбрасывать (а тем более выплёвывать) скорлупу за окошко на улицу, потому что на протяжении всей Светлой седмицы сам Христос с апостолами в нищенских рубищах ходят по земле и по неосторожности в него можно попасть скорлупой (ходит же Христос с целью наблюдать, хорошо ли православные исполняют его завет – оделять нищую братию, и награждает тороватых и щедрых, а скупых и немилостивых наказывает). Затем крестьяне повсюду верят, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положивши на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить его «вольной» птице, которая в благодарности за это помянет умерших и будет просить за них Бога» (С. Максимов).

Освящёнными в храме крашеными яйцами разговлялись после Великого поста, христосовались, клали на божницу возле святых образов. А через год – в Страстную седмицу, накануне Пасхи Христовой – старые пасхальные яйца крошили в зерно, чтобы пшеница щедро уродилась. Крестьяне верили, «помогает яйцо и при тушении пожаров: если человек, отличающийся праведной жизнью, возьмёт такое яйцо и троекратно обежит горящее здание со словами: «Христос Воскресе», то пожар сразу же утихнет, а затем и прекратится сам собой» (С. Максимов).

Отроки и мужи забавы ради бились крашеными яйцами; разбитое яйцо переходило к победителю. Среди крестьян находились ловкачи, которые вытаскивали деревянные яйца, и так полировали, а потом красили, что и не отличишь от заправдашнего. Ловкачи те били настоящие яйца, забирая их себе, пока их не разоблачали ко всеобщему веселью. Такой обман заведомо был заложен в деревенский праздничный обряд. Крашеные яйца катали по желобкам или канавкам; и всякий ради выигрыша норовил разбить пасхальное яйцо соперника.

Повсеместно в крестьянской среде жило поверье, что в первый день Святой седмицы, в Светлое

Христово Воскресенье *солнце играет*, словно вместе с христианским миром радуясь словоскресению Христа. Высоколобые материалисты толкуют игру солнца как перепад температур в атмосфере, но для их безбожного сознания остаётся непостижимым, отчего солнце играет именно в Пасху Христову.

Русский народ с восторгом и молитвенным умилением от мала до велика высыпал на улицы и поляны любоваться солнечной игрой. Мужики лезли на колокольни, жены с малыми чадами глядели с пригорков. Ребятишки, забравшись на заборы и крыши изб, голосисто пели:

*Солнышко, вёдрышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Сыр колупают,
Собакам бросают;
Собаки-то не едят,
А куры-то не клюют.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!
Едут господа бояре
К тебе в гости во двор,
На пиры пировать,
Во столы столовать.*

На Святой неделе парни с девицами водили хорыводы; расхаживали с песнями по улицам и пели песни, которые величали великоденскими и *волочесными* – песенники-волочесники *волочились* по дворам. Волочесные песни – песенное христосование и нечто напоминающие рождественские колядки.

*У нас сегодня воскресный день,
Христос воскрес – Сын Божий!
Сам Иисус Христос, из мёртвых встав,
Из мёртвых встав, нам и радость дав,
Волочесников у свет послав.
Пошли ба мы да дорогою,
Да дорогою широкою.
А встретили-та мы Господа Бога,
Господа Бога – Духа Святого,
А мы встали, шапки сняли,
Господу Богу молилися,
Духу Святому поклонилися. <...>
А была у бабки курка-рябушка,
Нанесла яец повен коробец.
А всем деткам – по яечечку,
Одной сироте да ня высталося.
Пошли детки, поскакавши,
Пошла сирота, заплакавши.
Вернись, сирота, на ж табе парася!*

(Записано в ст. Байкал (Сибирь) от А. Н. Балбес, 1899 г. р., украинка)

День Святой Троицы. Пятидесятница...

Начинали праздник православные наши земляки с того, что приходили в церковь с букетами луговых цветов, ветками цветущей черёмухи или с берёзовыми вершинками. В церкви, также ярко и пышно украшенной цветами, берёзовыми ветками, по полу усыпанной свежей травой, выстаивали обедню, молились во Имя Святой Троицы, то есть во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

«Полевые цветы, побывавшие в церкви, засушивают и хранят за иконами для разных надобностей <...>. Деревья свозят на деревенские улицы целыми возами и украшают не только двери, но и косяки окон, а в особенности свою «матушку-церкву», пол которой усыпается свежей травой: её всякий при выходе от обедни старается захватить из-под ног, чтобы примешать к сему, вскипятить с водой и пить как целебную» (С. Максимов).

После чистого православного обряда начинались народные обрядовые гуляния, в которых ещё хранились древние славянские мотивы. Если в общих чертах эти обрядовые действия (хороводы, завивание венков, украшение кумушек-берёз и подобное) были общими для всей Руси, то в частности эти обряды различались, о чём свидетельствуют записи знатоков русской обрядности прошлых и нынешних веков. Обрядовая сложность возникала ещё и потому, что с годами обряды отдельных праздников (Семика, Задушные поминки, Ярила, Клепальная суббота, Кострома), упростившись, смешавшись, в той или иной форме проявлялись в праздновании Троицы.

«ТРОИЦЫН ДЕНЬ. В этот день по всей Руси управляется народное празднество завивания венков, семейного караваия и хороводных игр. В завивании венков сохранились следы древнего гадания русских девушек о своих суженых. Семейный каравай выражает остатки какого-то древнего, теперь нам непонятного торжества <...>. Рано утром в городах и селах убирают дома берёзой и цветами, пекут караваи, сзывают гостей, завивают венки из берёзы и цветов для старых и молодых людей. В полдень, после обеда, начинается празднество молодых людей. <...> Троицкий венок считался неизменным вестником брачного обеда. С венками на голове молодёжь начинала разыгрывать хороводы. <...> С окончанием хороводов начиналась игра в горелки. Вечером уже возвращались из рощи прямо к реке, где молодой народ бросал свои венки в воду. Если венок поплывёт, то это означало неизменное счастье. Если венок завертится на одном месте, то это предвещало расстройство свадьбы, семейные ссоры. Если венок потонет, то это угрожало великим несчастьем, смертью родных или суженого. Если венок оставался на одном месте, то из этого заключа-

ли, что девицам в этот год не быть замужем, молодцам оставаться неженатыми.

<...> В Тульской и Псковской губерниях старики и старушки после вечерни выходят на кладбище обметать троицкими цветами могилы родителей. Этот обряд называется глаза у родителей прочищать.

Поселяне Орловской губернии выходят в рощи: молить каравай. Для этого они готовят два каравая: один мирской для стола, другой для рощи. С последним караваем выходят завивать венки. Мирской каравай остаётся для домашнего угощения, а остатки раздаются нищей братии» (И. Сахаров).

В Восточном Прибайкалье Троица как праздник христианской Троицы и как праздник весны, молодости, девичьей любви, русской берёзы праздновался ещё до 30-х годов нынешнего века. «В Нижнем Жириме (Восточное Прибайкалье. – Прим. А. Б.) девчата рубили берёзку и приносили в село. Её наряжали лентами. На второй день выезжали кумиться на реку Селенгу. Там водили хороводы вокруг берёзки и пели песни:

*Во поле берёзонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Ах, люли-люли, стояла.
Ах, люли-люли, стояла,
Алыми цветами расцветала,
Ах, люли-люли, расцветала.
Некому берёзу заломати,
Некому кудряву защипати,
Люли-люли, защипати.
Пойду в лес, погуляю,
Белую берёзу заломаю,
Люли-люли, заломаю.
Я, млада девица, загуляла,
Белую берёзу заломала,
Люли-люли, заломала.
Выломаю я два пруточка,
Сделаю я два гудочка,
Ах, люли-люли, два гудочка.
И четвертную балалайку,
И четвертную балалайку,
Люли-люли, балалайку.
Стану балалаечку играти,
Милого дружка вспоминати,
Ах, люли-люли, вспоминати.
Стану я мил друга будити,
Люли-люли, будити.*

Ровне пели:

*Встань, мой муж, разбудися,
Люли-люли, разбудися.
Светленькой водичкой умойся,
Люли-люли, умойся.
Чистым полотенцем утрися,
Люли-люли, помолися.*

115

Старому пели:
Стану старого мужа будити,
Ах, люли-люли, будити.
Встань, мой муж, разбудися,
Люли-люли, разбудися.
На тебе – помойцей умойся,
На тебе отымалочку – утрися,
На тебе лопату – помолися.

(Зап. Ф. Ф. Болонев в 1973 г. в с. Качуг Иркутской обл. у М. Ф. Кожевниковой, 1900 г. р.)

«СЕМИК – название сие произошло от слова «семь, семьей, седьмой» – то есть на седьмой неделе по Пасхе. Отмечали его чаще всего за два дня до Троицы. В день семика девушки шли в лес и тайно завивали венки, сплетали вершины берёз, загадывая о своей судьбе. Они срубали молодую берёзку и приносили её в село. В одних районах Сибири берёзку наряжали в лучшую девичью одежду, в других – украшали полевыми цветами, черёмухой, увешивали платками, лентами и пр. На Енисее берёзку ласково называли «гостейкой», у семейских Забайкалья – «кумушкой», «венком», «цветком», в Приаргунье – «калиной». <...> Обряды обычно начинались в семик и заканчивались на Троицу. Завитые в семик венки в рощах и приплетённые к траве вершинки берёзок девушки осматривали в день Троицы, определяя по их внешнему виду свою судьбу, здоровье, счастливое замужество, измену милого и т. п.» (Календарно-обрядовая поэзия сибиряков).

«КРЕЩЕНИЕ КУКУШКИ», ИЛИ «КУМОВСТВО» – один из обрядов, пришедший из глубокой древности и выживший чуть ли не до середины нынешнего века по некоторым деревням Руси.

Минул праздник Микулы (день Николы Чудотворца, который у юго-западных русских крестьян слился с былинным оратаем, неодолимым богатырём, излюбленным чадом Матери Сырой Земли Микулой Селяниновичем, и который праздновался 22 мая по н. ст. – Прим. А. Б.), минули именины Матери Сырой Земли (23 мая по н. ст.) с первым сбором целебных зелий и с зилотовыми хороводами. (Зилоты хороводы справляются в день, когда «земля именинница», 10 мая (по ст. ст.). В этот день церковь празднует апостолу Симону Зилоту. Оттого хороводы и зовут зилотовыми. – Прим. авт.). Глядь, честной Семик на дворе – завивание венков, задушные поминки. В этот день под вечер одни, без молодцев, собираются девушки. Надев зелёные венки на головы, уходят они с песнями на всполье и там под ракитовым кустом стряпают «сборну яичницу», припевая семицкие песни. Завив венки, целуются через них и «кумятся» при звонких весёлых песнях. <...> Тут же и «кукушку крестят». Для того, нагнув две молодые

берёзки, связывают верхушки их платками, полотёнками или лентами и вешают на них два крестельника. Под берёзками расстилают платки, кладут на них сделанную из кукушкиных слёзок птичку и, надев на неё крест, попарно девушка с девушкой ходят друг другу навстречу вокруг берёзок, припевая. <...> С тех пор семицкие кукушки живут душа в душу целых три дня, вплоть до Троицы. Случается, однако, что долгий язычок и до этого короткого срока остужает семицкое кумовство... Недаром говорится пословица: «Кукушку кстили, да языка не прикусили» (П. И. Мельников / Андрей Печерский).

РУСАЛИИ. В досельное время «неделя всех святых» называлась «русальной», последнее вешнее воскресенье именовалось *проводами весны и встречей русалок*. Впрочем, сроки русалий, судя по записям знатоков древнерусской обрядности, были различными. «Само слово «русалка» имеет своё происхождение от русла реки, где они, по народному поверию, имеют своё пребывание. <...> Хотя, однако же, противники этого убеждения и уверяют, что наименование «русалка» происходит от русых волос, которые у них длинные, густы и будто бы, ниспадая с головы, прикрывают всё тело. А по другим поверьям, у них волосы при тех же качествах – зелёные. Пр. Снегирев приводит между тем иные доказательства происхождения слова «русалка». Он говорит <...>, что многие священные реки у литовцев и славяноруссов назывались Руссами и Россами <...> Так, рукав Немана доныне называется Русою, в земле Галиндов река, впадающая в Нарву, называется Росс» (М. Забылин).

ЯРИЛО. «В продолжение всесвятской недели отправляются разные народные обряды и увеселения. В одних местах мы видим похороны Костромы, гульбище Ярилы, в других – развивание троичских венков, проводы весны и народные гулянья. В Спаске Рязанской губернии самое воскресенье этой недели известно под именем Русальского заговения» (И. Сахаров).

Возможно, в седой древности Ярило, его день, был отдельным праздником, но уже в прошлом веке почти от всех этих языческих празднеств остались лишь обрядовые отзвуки, слитые в один праздничный хор на Семик и Троицу. Впрочем, и сам Семик отошёл, и главным для русского православного человека стал всё же праздник Святой Троицы.

КОСТРОМА. Празднование Костромы мало чем отличалось в прошлом веке от обрядов, связанных с Ярилой, недаром в некоторых литературных источниках праздник (или обряд) величался даже так: «Ярило Кострома», вроде как имя и фамилия некоего древнеславянского, языческого божества. Хотя в иных российских краях два эти праздника отделялись друг от друга.

«В Муромском уезде похороны Костромы справляли молодцы и девицы. Собравшись в назначенные места, они делали из соломы чучело. В одних местах убирали его в какое-нибудь платье, в других только перевязывали верёвками. Чучело называли Костромой и становились все пред ним в почтительном виде. Старшие почётных родителей девицы и молодцы брали Кострому на руки и с песнями относили на берег озера или реки. Здесь все, сопровождавшие Кострому, разделялись на две стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась в кружок, молодцы и девицы кланялись Костроме и производили перед ней разные телодвижения. Другая сторона нападала внезапно на первую для похищения Костромы. Обе стороны вступали в борьбу. Как скоро захватывали чучело, то тотчас срывали с него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали в воду со смехом. Первая сторона с отчаяния производила заунывный вой, другие закрывались руками, как бы оплакивая гибель Костромы» (И. Сахаров).

«ЗАДУШНЫЕ ПОМИНКИ. В народе существует странное понятие о покойниках: будто они вспоминают о старой своей жизни, бродят в Семицкую неделю по кладбищам без пристанища. Добродушные старушки из жалости приходят беседовать во вторник на их могилы и справляют по ним задушные поминки» (И. Сахаров). Отличие задушных поминок от прочих родительских дней в том, что тут уже поминаясь и утопленники, и удавленники, то есть самоубийцы, которых, как известно, не разрешалось отпевать в православных храмах и хоронить на общем кладбище. Но в этот день, как известно из народо-ведческих источников, даже священники молили о спасении душ утопленников и удавленников. В конце концов, православное милосердие к тому подвигло.

ПРОВОЖАНИЕ РУСАЛОК. «В этот день вечером хороводы девиц и женщин с весёлыми песнями сходятся с разных сторон города в назначенном месте и стоят около часа на углах улиц; в каждом хороводе находится чучело в виде женщины, которая собою изображает русалку. В это время составляют хороводные кружки; в среде каждого из них бойкая женщина с чучелом в руках пляшет под всею хороводную песню, делая при этом кривляния. Потом хороводы разделяются на оборонительную и наступательную стороны. Причём держащие в руках чучела русалок защищаются несколькими женщинами от нападения других, которые стараются вырвать у них чучелы, при этом обе стороны кидают друг в друга песком, землёю, обливают друг друга водою. Выйдя за город, они говорят, что проводили русалок, причём разрывают чучелы, разбирают их по полю, и провожающие их девицы с унынием возвращаются» (М. Забылин).

Составитель, будучи человеком православленным, верующим во Единого Бога Иисуса Христа, не ставил целью поэтизировать и романтизировать язычество при описании праздников, тех же обрядов на Семик. Не исключая в них чисто природной красоты, лиризма русского, нужно отметить, что немало в них было и от плотского буйства, от пьяного разгула, от дикого любострастия, против чего во все наши крещёные века восставали истинные христиане, что справедливо преследовалось и церковной, и царской властью.

ДУХОВ ДЕНЬ. Сошествие Святого Духа на святых апостолов отмечалось в наших церквях радостной и торжественной службой, прихожане в этот день, укрепляя свой дух на любовь к Богу и ближнему, молились с особенной, высокой душевной страстью.

В день Святого Духа в суеверной крестьянской среде (или у тех, кто просто любил игру-обряд) завершались трицко-семицкие обряды: развивали завитые на «честной семик» или на Святую Троицу берёзки. В Сибири в Духов день «вечером, сняв убранство, берёзку топили в Ангаре». Кое-где именно в этот день бросали венки в воду, суеверно загадывая себе судьбу: если утонет – к напасти, поплывёт – к добру.

ДУХОВ ДЕНЬ – ЗЕМЛЯ ИМЕНИННИЦА. Был у земли-матушки свой особый праздник: в Духов день земля – именинница; в этот день никто не смел ни пахать, ни сеять, даже колупать носком чуни, ичига родную русскую землюшку и то было грешно: руки отсохнут и ни жене чадородия, ни земле твоей плодородия не видать как своих ушей, а целовали землю-кормилицу, поилицу, душеспасительницу, с Божовой молитвой становясь на колени.

Обоготворённой матушке-земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку Мать сыра земля, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниенных страстях покрытая дождями и росами Небесного Отца, рожала хлебушек, рожала жито – живот, жизнь...

Святые в крестьянском календаре... Выше поминалось, что с веками крестьяне создали величавую устную поэзию, мифологию по библейским и житийным мотивам, и евангельские события постепенно обрели русскость, словно в Благой Вести – события русской жизни, а святые даже первых веков христианства обратились в русских крестьян либо иноков. Сия народно-православная мифология, увы, мало ведома нынешнему народу русскому...

Сельские грамотеи наряду с Законом Божиим читали неграмотным крестьян и Четьи Минеи

(Жития святых), что породило в мужиках и бабах любовь к избранным святым, именами коих и освятились дни в крестьянском календаре*. Крестьяне, и бедные, и богатые, но милосердные, до слёз умиления любили слушать житие Алексия Божьего человека, через юродивость, сознательную нищету взошедшего к святости...

В лад христианским святам сельские жители и выстраивали праздничную и хозяйственно-бытовую жизнь. Иван Снегирев, народный писатель XIX века, в сочинении «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» утверждал: «По благочестию, сродному русским, крестьяне, живущие в жизни по вере и преданиям отцов своих, и дела свои распределяют по дням святых и праздникам церковным и народным: если в житии Святых находят какое-либо отношение к предметам работ сельских, то их именами освящают оные. Таким образом, св. пророку Иеремеи даётся проименование запрягальника или яремника...».

Юродиво изображая грядущее иудеям рабство царю вавилонскому, ветхозаветный пророк Иеремия по велению Божию надел на святую выю рабское ярмо, деревянное, затем железное и эдак бродил среди народа, порождая усмешки и насмешки. Святой Иеремей ...*Еремей, Ерёма, Ярёма порусски...* напялил на шею воловье ярмо, и русские мужики с Еремеем Запрягальника (14 мая) влазили в ярмо – впрягались в страду и на быков надевали ярмо, выезжая на майскую пахоту, а где потеплее – и на сев. А накануне вешней страды усердно молились в храмах и в поле служили молебен пророку Иеремии, величая того *Ярёмником* либо *Запрягальником*.

Александр Афанасьев, знаменитый старинарь XIX века, писал о том, как, преображаясь в русской народной речи, величания библейских событий, имена святых, вошли в крестьянский месяцеслов: «Мы знаем, какое сильное влияние оказывал язык в области народных представлений <...>. Рассчитывая дни и распределяя занятия по святам, принесённым на Русь вместе с христианством, поселянин непонятные для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, имена месяцев и святых угодников сближает с разными выражениями отечественного языка, насколько эти последние могут определить характер данного времени, связанных с ним работ и погоды – тёплой и холодной. <...> На Сретение (2 февраля), по народному поверию,

* В досельную пору в ходу были сразу три календаря: гражданский, церковный, народный (крестьянский), которые по датам то сходились, то распадались. Простонародье придерживалось в основном двух календарей: церковного и народного. С принятием христианства наши поселяне постепенно стали сближать православные святцы со своим обиходным, хозяйственным календарём.

зима с летом встречаются; в марте солнце начинает марить, то есть припекать землю, отчего над нею струится пар; но по утрам ещё продолжают морозы (утренники), которых со дня сорока мучеников (9 марта) бывает сорок; думают, что в этот день возвращаются из вирия сорок разных пташек, а сорока начинает строить гнездо и кладёт в него сорок палочек».

С веками православные святцы становятся и погодоуказателями, о чём поведано в многотомном сочинении «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» Алексея Ермолова, изданном в 1905 году.

В апреле «поворотным днём с холода на тепло у нас считается 5 Апреля, Св. Феудула; с 12 Апреля земля греется, парится. С Егория (св. *Георгия Победоносца*), 23 Апреля наступает уже полный разгар весны. <...> Дожди на Егория полезны хлебам, но вредны для плодовых деревьев <...>. Наиболее важными для сельской жизни в Мае являются у нас Николин день (св. *угодника Николая*), 9 Мая <...> и 25 Мая. <...> Довольно важными погодоуказателями в Мае, кроме того, у нас считаются 1 Мая – Еремеев день (св. *Иеремии*), 2 Мая – Мокеев день (св. *Мокия*) <...> и 15 Мая, Св. Пахома, с которого настоящее лето начинается. В Мае заканчивается посев всех хлебов, происходит развитие корневой системы растений, а затем с 29 Мая – Феодосии Калосницы (св. *Феодосии*) начинается и колошение хлебов. <...> К дням, имеющим в Июне наибольшее значение с точки зрения предсказания погоды будущей и урожая, следует отнести: 3 Июня – Св. Лукьяна, останавливающий на себе внимание наблюдателей, главным образом, своими ветрами; <...> Как со дня солнороты замечается усиление летнего тепла, так с Иванова дня (Рождество Иоанна Предтечи) 24 июня, <...> с Петрова дня (день Апостола Петра) крестьяне в средней России готовятся к уборке, наступает тяжёлая страдная пора. <...> Верными погодоуказателями считаются у нас дни 19 и 25 Июля, Св. Мокрины, которая сряжает осень, как Св. Анна <...> приносит зиму. Поэтому осень надо «смотреть по Мокридам». Днём перелома лета и поворота на осень у нас считается 20 Июля. <...> В конце Июля Св. Сила даёт силу и хлебам, и людям, поэтому с этого дня местами начинают уже посев озими. <...> [В августе] днями, играющими наиболее видную роль в хозяйственной жизни крестьянина, являются у нас три Спаса, Успенье, Усекновение Главы Иоанна Предтечи (1, 6, 15, 16, 29 Августа)» (А. Ермолов).

А сколь погодных примет и календарных дат, освящённых святыми именами, обрели в крестьянской речи поэтическое звучание, да иногда и с потаённым либо откровенным духовным смыслом.

Пришёл Прокоп (5 декабря) – разрыл сугроб, по снегу ступает – дорогу копает.

Роса – слёзы святой Варвары (17 декабря), которая ходит по полям и плачет. Варвара ночи урвала, дня притачала. Варвара мостит, Савва гвозди острит, Никола прибывает.

Коли силён мороз на Водокрещи (19 января) – на хлеба не ропщи.

На Трифона (14 февраля) звездисто – поздняя весна.

До Прохора старуха охала: «Ох, студно!» Пришёл Прохор да Влас (23, 24 февраля) – «Никак весна у нас».

Тимофей-весновой (6 марта) теплом веет, стариков греет.

Авдотья-весновка (14 марта) на обедню шла – нос ознобила, а с обедни шла – подол замочила.

Федот-ветренос (15 марта) везде суёт нос, задирает курам хвост.

Герасим-грачевник (17 марта) грачей пригнал, а грач на горе – весна на дворе.

Придёт Алексей кувшин пролей (30 марта), огня накладёт, и вода потечёт с гор и ключей.

На Дарью-пролубницу (1 апреля) весна зиму заборолла, щука хвостом лёд разбивает, а медведь и гады ползучие глаза продирают.

На Матрёну (9 апреля) овсянка затягивает свою песню: «Покинь сани, возьми воз!»

Утро Епифана (25 мая) в красном кафтане – к жаркому, пожарному лету.

На Кирилу (22 июня) отдаёт солнышко земле всю силу.

До Ильи (2 августа) поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком нагонит.

На Силу и Силуяна (12 августа) рожь бывает пьяна – полна зерном и клонится к земле.

На первый Спас (14 августа) олень копыто обмочил (похолодало).

Первый Спас час припас, Пётр и Павел два прибавил, Илья Пророк три приволок (ночи длиннее и длиннее).

Пришёл Спас (второй – 19 августа) – бери варежки (рукавицы) про запас.

На Семёна (14 сентября) дитя постригай и на коня сажай и на ловлю в поле выезжай.

Пророк Наум (1 октября) наставит на ум (детей отдавали в учение).

Осенние Федоры (24 сентября) подол подтыкают, а зимние Федоры (12 января) платком рыло закрывают.

Трифон (21 октября) шубу чинит, Пелагея (21 октября) рукавицы шьёт.

Пришёл Прокоп (5 ноября), разрыл сугроб, по снегу ступает – дорогу копает.

Наложило Введение (4 декабря) на воду толсто леденение, замостило реки.

Никола зимний (19 декабря) лошадь на двор загонит, а Никола вешний (22 мая) откормит.

Бытовало дьявольское измышление высококобых смутьянов о том, что русские, окрестившись, соотносили Святую Троицу с языческими идолами: «богом-отцом» Стрибогом (Сварогом), «богом-сыном» Дажьдбогом и, наконец, Семарглом (крылатым псом). От безбожия соблазну сему поддавались даже народоведы, широко знающие, искренне любящие русскую старину... Но ведь русские, приняв Святое Крещение, вскоре напрочь забыли языческих истуканов, а посему не могли соотносить их с Отцом, Сыном и Святым Духом. В сознании крестьян, что облачились во Христа, и святые отичи без сопоставления потеснили былых идолов: Иоанн Предтеча – Купалу, Георгий Победоносец (да и Архангел Михаил) – Перуна... Власий в крестьянском сознании быстро сменил «скотьего бога» Велеса (Волоса) – покровителя скотоводства у некрещёных русичей. «Имя его известно нам ещё по договорам русских с Царьградом. Так, в договоре Святослава с греками сказано: «Да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и Волоса, скотьего бога». <...> Святой Авраамий Ростовский сокрушил идола Велеса в Ростове. <...> Между тем как в Киеве он крещён был великим Владимиром: «Волоса, его же именовашу скотья бога, повеле в Почайну реку вращи» (И. Сахаров). Крестьяне служили молебны святому мученику Власию, молили его о покровительстве и обереге домашнего скота и особенно коров. В лхвах ставили образы святого Власия и там молились ему: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли – играли, а с поля шли – скакали».

Вскоре после крестного облачения во Христа, освободившись от языческого идолопоклонничества, истребив памяти былых божков, величаемых болванами, русские крестьяне мистически осознали бесплотную ангельскую силу и христианских святых пособниками при житейских нуждах, покровителями лесов, полей, вод, народных ремёсел и профессий.

Ныне зрим в православных святцах:

Михаил Архангел – небесный покровитель русского воинства;

Георгий Победоносец – покровитель русского воинства, а также вместе с **Афанасием и Кириллом** – рабочего скота;

Апостолы Пётр и Павел – покровители рыболовства;

Николай угодник – покровитель путешествующих, особо моряков и рыбаков;

Сергий Радонежский – покровитель вод и целебных источников (как и святая мученица **Параскева Пятница**), а также и домашней птицы;

Борис и Глеб – покровители земледелия;

Апостол и евангелист Лука – покровитель священного ремесла иконописи (*богомазов*);

Флор и Лавр – покровители коневодства;

Зосима и Савватий – покровители пчеловодства;

Наум – грамотник, покровитель среднего образования;

целитель Пантелеймон – спасает при любой болезни;

Косма и Дамиан – целители, покровители врачей;

Гурий, Самой и Авива; Пётр и Феврония – покровители честного брака;

Власий – покровитель всякой домашней животины;

Анисим и Мамонт – овчарники, покровитель коз и овец;

Никита – гусятник;

Кирик и Улита – покровители кур;

Харитина – ткачиха;

Прокопий – жнец;

Сорок мучеников, утопленных за веру в Христа, – покровители певчих птиц, услаждающих слух, истребляющих вредных насекомых;

Зиновий – покровитель зимующих птиц;

Артемию молились при «грызной болезни»;

Киприану и Устинье молились против нечистой силы;

Дионисию – от сглаза;

Модесту – при падеже скота;

Варваре усердно молились мужние жены, особливо на сносях, прося благополучного разрешения бремени, а при мучительных родах жены давали обет великомученице Варваре.

Русские, особо простолюдые, скинув ветхое язычество, облачившись во Христа, с веками нежданно-негаданно выделили из сонма христианских святых и полноправно ввели в народно-обрядовую жизнь, хотя сии святые, уроженцы древних народов, жили задолго до крещения Руси: Николая угодника (*Никола зимний, Никола вешний*), Ильи-пророка (*Ильин день*), Иоанна Крестителя (Иванов день, Иван Купала), Георгия Победоносца (*Егорий Храбрый*), святых апостолов Петра и Павла, Алексия Божего человека, Параскеву Пятницу.

* * *

Святитель и Чудотворец Николай, архиепископ Мир Ликийских (около 345–350 от Рождества Христова; память – 9 (22) мая, 29 июля (11 августа), 6 (19) декабря)... Крестьяне, не ведающие азы и буки, слушали жития святых на божественных литургиях либо с уст богомольных книжечеев и, обсуждая жития, обращая жития в народные мифы, облекли образ Николая Чудотворца такой всерусской коленопреклонной любовью, что лишь Христос Спаситель и Богородица в сем любовном почитании, в мо-

литвенного поклонения встали выше сего Христова Угодника. Неслучайно же после Крещения Руси по берегам морей, рек и озёр воссияло несметное число храмов, часовен, монастырей в честь Николая Чудотворца, который в крестьянской мифологии стал русее русских, хотя, по глаголам Четых Миней святого Димитрия Ростовского «святителя Христова Николая, великого Чудотворца, скорого помощника и изрядного ходатая перед Богом, взрастила страна Ликийская» (*IV век от Рождества Христова, город Патары, земля Ликийская в Малой Азии*).

Древний житийный писатель поведал, что святитель Николай «много великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах сущим помогая и от потопления спасая, и из глубины морския на сухо износю, от тления восхищая и принося в дом, от уз и темниц избавляя, от мечнаго посечение заступая и от смерти освобождая, многим многая подаде исцеления: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страдающих обогати, гладным пищу подаде и всякому во всякой потребе готовый помощник, тёплый заступник и скорый предстатель и защитник показася, и овым такожде призывающим его помогает и от бед избавляет. Весть (знает) великого Чудотворца сего Восток и Запад и все концы земнии водят чудотворения его».

Русская православная церковь чествует память святителя Николая трижды на году: 9 (22) мая – Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (*сей день в народе величают – Никола вешний*); 29 июля (11 августа) – Рождество святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского; 6 (19) декабря блаженное успение святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского (*в народном величании – Никола зимний*); к сему всякий четверг Николай Чудотворец поминается в храмах величавыми песнопениями.

Русское простолюдые возлюбило святителя Николая уже и за то, что Христов угодник «прославился великой ревностью к истинной вере и, по преданию, участвовал в I Вселенском Соборе, где с великой духовной страстью защищал Православие от ереси «собаки» Арии (которого в сердцах заушил, то есть ударил в ухо. – *Прим. А. Б.*). Прославился святой и как великий угодник Божий – отчего русские величают его ещё и Никола-угодник. Исполнен был Божией благодати творить благие чудеса: так, усмирил морские волны, готовые потопить корабль с путниками, воскрешал умерших, снабжал хлебом голодных, спасал утопающих на водах, избавлял невинно осуждённых от смерти, помогал нуждающимся и скорбящим» (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя*).

Сельские жители уверились, что Никола-угодник – крестьянский святой, ибо *Никола любит му-*

жика, что Никола Чудотворец бродит по Святой Руси в мужичьем обличии. Вот почему: *Всем святым по сапогам, а Николе боле, что ходит доле.*

Знаменитый народовед Сергей Максимов в Зарайском уезде Рязанской губернии записал крестьянскую легенду о хождении святого Николая с неким Касьяном; и легенду ту художественно воплотил я в повести «Красная роса».

«...Про Касьяна я тебе чо скажу: в досельны годы святой был – Касьян Немилостивый. Но это в народе удумали – Немилостивый, а так, конечно, святой... И вот наши деревенски и баяли про его: дескать, Касьян глянеть – цветок вянет. Глаз у него, мол, урочливый. Которы дак Касьяна и за святого не почитали: дескать, к нечистой силе прилип, с анчуткой беспятым* спознался, прости их, Господи, – дед Любим горячо перекрестился. – Тыфу, удумають же всяку холеру... Что за народ?! Да... Но баяли: дескать, брёл Касьян напару с Миколой Чудотворцем. Глядят, на дороге мужик мается: телегу увязил в грязи по самы ступицы. Кобылёшка из силов выбилась, мужик чуть пуп не сорвал, а воз ни взадь, ни впередь. А тут святые подходить... Но чо, мужик и просить Христом Богом: мол, подсобите, люди добры... «Не могу, – это Касьян-то баить, – райску ризу испачкаю. Как я потом в рай ворочусь, Господу Богу на глаза покажусь?!» Микола же Чудотворец – мужик простой – упёрся плечом в телегу, поднатужился да и выпихнул воз на сухое... Дале сказать, пришли они в рай. У Микола вся риза в грязи извожена. Бог увидал тако дело и спрашиват – всё наперёд знат, но спрашиват:

– Ты иде это, Миколай, так извозился?

– Я, – отвечат Микола, – мужику подсоблял воз из грязи вытаскивать...

– Ладно, – похвалил его Бог да и Касьяна спрашиват: – А ты почто чистый? Вы же напару ходили...

– Я, Господи, боялся ризу испачкать.

– Дак это же Я был тот мужик...

Перепугался Касьян, забожился:

– Кабы знятьё, дак я бы непременно подсобил.

А Господь ему растолмачил:

– Я – во всяком, верующем в Меня, и кто любит ближнего, тот любит Меня...

Словом, не глянулся Боженьке Касьян, и порешил о ту пору, быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Миколу Чудотворцу за его доброту – два раза на году. Вот пошто мы и празднуем Миколу зимнего и Миколу вешнего. А Касьян Немилостивый – именинник раз в четыре года, 29 февраля. Тяжёлый это год, високосный, сказать: и на скотину мор, и народец, бывало, подкосить. Но святой Касьян-то здесь, конечно, ни при чём – святой, он и есть святой, молитвенник по грехам нашим, не он карает да милует – Господь Бог. Темь деревенская

наплела с три короба и всё лесом, выдумала своего Касьяна, прости Господи. Своего... а заправдошний, тот, паря, святой. Да, святой, преподобный...»

Если русские, избрав из сонма святых, особо возлюбили Николая угодника и воспели в легендах как первого после Бога святого заступника, то крещёные инородцы по простоте душевной и вовсе почитали святого Николу «вторым русским богом».

Славный сибирский народовед Фирс Болонев писал: «Инородцы Сибири – эвенки, буряты, якуты, принявшие крещение, будучи связаны в основном с русским крестьянством, также из христианских святых особенно отличали Николу-угодника. Так, в Забайкалье было записано такое предание: «М. А. Лукьянова <...> из с. Фомичева рассказывала: «Один бурят тонул в Чикое и обратился: «Святитель Христов, русский Никола, вынеси меня». И он вынес. И ещё троих стариков из нашей деревни спас – лодка перевернулась, а они с Божией помощью спаслись».

На Николу зимнего (19 декабря) – во всех русских храмах величавый, величальный молебен, а тем паче в Никольских; и в сей же день поселяне справляли никольщину – застолья родственников, соседей с пивом, брагой из зерна нового урожая, с закусками в складчину. Крестьяне говаривали: «Для кума Никольщина бражку варит, для кумы пирожок печёт; на Никольщину зови друга, зови ворога – оба друзья будут; никольскую брагу пьют, а за никольское похмелье бьют (наказывали тех, кто гулял после Никольщины)».

С днём святого Николая угодника (зимнего) связано изрядно крестьянских примет; вот лишь избранные:

Никола зимний лошадь на двор загонит, а Никола вешний (22 мая) откормит.

Перед Миколой иней – овсы будут щедрые; иней на Николу – к хлебороду.

Что Михаил Архангел закуёт, то Никола раскуёт – оттепели.

С ещё большим торжеством праздновали крестьяне день Николы вешнего (22 мая). В иных российских уездах сей праздник считался съезжим: к сельскому храму съезжались крестьяне из ближних деревень, и после величавого молебна, посвящённого Николаю Чудотворцу, были крестные ходы к рекам и озерам, где совершалось водосвятие, и на хлебные поля. Рекруту, уходящему на службу ратную, вешали на шею медный образок с изображением.

О сем дне крестьяне так рассуждали:

Два Николы: один с травой, другой с зимой.

До Николы – крепились, хоть разопнишься, с Николы – живи не тужи.

Сена достаёт у дурня до Юрья (6 мая по н. ст.), у разумного – до Николы.

* Анчутка беспятый – бес.

Святой Юрий запасаает коров (начинает пасти), Никола – коней.

В Николин день выгоняют лошадей на починки, на пашницу, на ночной подножный корм.

Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин день травой.

Велика милость Божия, коли в Николин день дождик польёт.

В Николу лягушка квачет – овёс скачет.

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

* * *

Илья-пророк (IX в. до Рождества Христова; память – 2 (20) июля)... Неисповедимыми путями российский мужик в череде святых выделил и возлюбил пророка Илию, поселил его в русской земле, одарил русским нравом. Но если русское простолюдые любило Николая Чудотворца эдакой ласковой, бесстрашной любовью, яко выходца из пахотных крестьян, то любовь к Илие-пророку была преисполнена благодатного Божиего страха. «...Таков по воззрениям народа Илья-пророк, олицетворяющий собой праведный Гнев Божий. Повсюду на Руси он именуется «грозыным», и повсюду день, посвящённый его памяти <...>, считается одним из самых опасных. Во многих местах крестьяне даже постятся всю ильинскую неделю, чтобы предотвратить волю пророка и спасти от его стрел поля, свои сёла и скотину» (С. Максимов).

Да, в крестьянском воображении Илиа-пророк – самый суровый христианский святой: *Сердитый, Грозный, Громовник, Громобой, Громовержец...* На Ильин день случались грозы с раскатами грома... Но суровость пророка была словно суровость отца в благочестивой, домостройной семье, который строг, но справедлив, и за которым домочадцы как за каменной стеной.

Крестьяне полагали: *Млечный Путь – Божия дорога, по которой Бог и святой Илиа ездят на колеснице, везомой огненными конями...* «На огненной колеснице могучий седой с грозными очами разъезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвёздной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших Закон Божий сынов человеческих. <...> Даже сам сатана трепещет перед грозным Ильёй и, застигнутый пророком в облаках, пускается на хитрости, чтобы избежать могучих ударов. «Я в христианский дом влечу и сожгу его», – грозит сатана. А Илья гремит ему в ответ: «Я не пощажу дома, поражу тебя». И ударяет в ту пору своим жезлом с такой силой, что трещат небесные своды и огненным дождём рассыпаются каменные стрелы. «Я в скотину влечу, я в человека войду и погублю их, я в церковь Божию вле-

чу и сожгу её», – снова грозит сатана. Но Илья неумолим. «Я и церкви святой не пощажу, но сокрошу тебя», – гремит он опять, и всё небо опоясывает огненной лентой, убивая скотину, людей, разбивая в щепки столетние деревья и сжигая святые храмы. <...> Народ представляет себе Илью не только как вестника небесного гнева, но и как благодетеля человеческого рода, дарующего земле изобилие плодов и прогоняющего нечистую силу, эту виновницу человеческих несчастий и болезней. По-народному поверию, для нечистой силы страшен не только сам Илья, но даже дождь, который проливается в его день, имеет великую силу: ильинским дождём умываются от вражьих наветов, от напусков и чар» (С. Максимов).

На Ильин день грех робить – Илья убьёт молодой. «Один хресьянин робил в Илью. Случилась гроза. Мужик кинулся под лотку. Ударилась громава стрела и убила мужика». Или – был, мол, случай, что за работу одного мужика появилась ворона с горящей веткой в клюве, стала перелетать с зарода на зарод и сожгла сено у многих односельчан. Так наказывает Илья-пророк за непочтительное отношение к себе» (А. Макаренко).

«Гром гремит, говорят, – Илья едет на колеснице, запряжённой быком и львом (в иных толкованиях – на тройке белых коней. – Прим. А. Б.). Он преследует сатану: где тот спрячется, туда и «громава стрела падат». <...> «Лешему надо было кспеху шубу; днём он не успел шить, сел шитца ночью под сосну, когда Илья гремел. Молонья блеснёт – лешак продёрнет иголку в шубу да проворчит: «Што, молнишка, не часто светишь!». Илья на это осерчал, пустил в чёрта Громову стрелу. Деревину расщепило на кусочки, а лешак увернулся и убёг с шубой (село Кежемское, Восточная Сибирь. – Прим. А. Б.). Варианты этого сказания встречаются также в России» (А. Макаренко).

В поэтическом воображении русского крестьянина Илья-громовержец как покровитель грома и молнии, небесных вод, вытеснивший славянского идола Перуна, иногда сближался причудливым образом и с былинным богатырём Ильёй Муромцем, о чём свидетельствуют некоторые легенды, записанные от крестьян.

Известны ильинские присловия:

Илья Муромец по небу на шести жеребцах ездит (гром).

Молния сверкает – святой Илья вынимает шашку.

«Илья-пророк, наследовавший в народе древнего Перуна, почитается покровителем земледелия и сельского довольства. <...> Одна из отличительных черт его поклонения у всех народов – посвящение

ему горных вершин как земной его обители. Храмы и места его обоготворения большею частью помещались на высоких горах или холмах, обросших густыми дубравами, и как символ растительной жизни природы ему же посвящается вечно зеленеющий дуб» (Д. Шеппинг).

Русская православная церковь с особой святостью чтит любимого в народе святого. Во имя пророка Илии была освящена первая церковь, воздвигнутая в Киеве ещё при князе Игоре. И святая княгиня Ольга после Крещения построила храм пророка Илии в своём родном селе Выбуты.

Про день памяти пророка Илии крестьяне толковали:

До Ильи поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком нагонит.

Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице и расплёскивает святую воду.

До Ильина-дня дожди – закрома, а после Ильина дня – из закрома.

Пётр и Павел на час убавил, Илья-пророк два уволок (короче световой день).

Первый Спас час припас, Пётр и Павел два прибавил, а Илья-пророк три приволок (длиннее ночь).

До Ильи мужик купается, а с Ильёй с рекой прощается.

На Ильин день олень копыто обмочил: вода холодна*.

До Ильина дня в сене пуд мёду, после Ильина пуд навозу**.

Завязать Илье бороду (окончив жатву, завязывали последний сноп и оставляли его в поле).

К Ильину дню хоть кнутом прехлысни, да заборони.

Илья – последняя девичья гульня (дальше страда).

Придёт Илья, навалит гнилья (мух, комаров), а придёт первый Спас, не будет комаров у нас.

После Ильина дня в поле сива коня не увидишь – вот до чего темны ночи.

Много на ильинской неделе молодыми жнеями пелось обрядовых песен, прозванных *жнивными*.

*Мы в поле были,
Венки развили,
Венки развили
И жито глядели.*

*Зароди, Боже,
Жито густое,
Жито густое,
Колосистое,
Колосистое,
Ядренистое!
А святой Илья
По межам ходит
Да житущко родит,
– Твоё житущко
На пивушко,
Дочек отдавать,
Сынов женить,
Сынов женить
И пиво варить.*
(Смоленщина)

В эпоху пророка Илии жил и пророк Елисей, с именем которого у меня вышел потешный случай... Спустя четверть века после выхода в свет «Русского месяцеслова» я стал доводить книгу до русского ума и православного духа, а прежде добавил краткие жития святых, кои упустил в первом издании. Дошёл до 20 июля по старому стилю – *Ильин день, Илья Грозный, Илья Сердитый, Илья Громовник, Громовержец, Громобой* – читаю краткое житие пророка Илии и вдруг обнаруживаю потешную опечатку, кою читатель сходу выудит, прочтя строку: «За свою горячую ревность о Славе Божией пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице, свидетелем чего был пророк Енисей, которого святой Илия и помазал на пророчество по воле Божией...».

* * *

Пророк Предтеча и Креститель Господень Иоанн... В честь сего святого Русская православная церковь учредила семь*** праздников на году, но мы поведём речь лишь о Рождестве Иоанна Крестителя (7 июля). И сей праздничный день по обрядовой насыщенности превосходит иные народно-православные праздники, о чём можно судить и по именам сего дня: Иванов день, Иван Купала, Купальник, Иван Травник, Иван Цветной, Праздник росы.

Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна – величавый праздник, напоминающий всякой христианской душе, что крестилась душа в Божией купели, как и Господь Бог в безгрешном земном житие от Иоанна

* В Пошехонском Ярославской губ. <...> так объясняют причину охлаждения речных вод: «Илья-пророк ездит на конях по небу, и от быстрого бега одна из лошадей теряет подкову, которая падает в воду, и вода сразу холодеет» (С. Максимов).

** К Ильину дню стараются скошенное сено высушить и убрать в стоги. Здесь-де, говорят поселяне, сладимая яства в цветах для скотинки (И. Сахаров).

*** 6 октября – зачатие, 7 июля – рождество, 11 сентября – усекновение главы, 20 января – Собор Иоанна Крестителя в связи с праздником Крещения Господня, 9 марта – первое и второе обретение его главы, 7 июня – третье обретение его главы, 25 октября – праздник перенесения его правой руки с Мальты в Гатчину.

Крестителя. «...Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды – и се, открылись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 3: 16-17).

Русские крестьяне уже давно запомнили о древнеславянском идоле Купале, а посему и купальские обряды уже напрямую связывали со святым Иоанном Крестителем. И даже когда в обрядовом действе, в купальских песнях и поминался Иван Купала, то уже в сознании православного крестьянина за этим именем подразумевался опять же Иоанн Креститель. Да, великорусы, в отличие от белорусов и малорусов, редко поминали Купалу; обряды же купания, обливания водой жили лишь в напоминание о том, что Иоанн Предтеча крестил и самого Господа нашего Иисуса Христа в вольных водах. И воду в сей праздник крестьяне почитали за святую воду. Хотя в христианской религиозной этике вода обретает очистительную силу лишь после её освящения крестом и молитвой; а посему Иоанн Креститель, вытеснивший из русского мистицизма языческого идола Купалу, погружал крещаемых иудеев в освящённые воды Иордана.

Иванову дню в крестьянском календаре обрядово созвучно предшествовал день Аграфены-купальницы (Агриппины-мученицы); и день почитался за бабий: мужние жены и девицы не стирали белья – грех великий; обливались, купались, умывались утренней росой, катаясь нагими по росным травам во красу и здравие. За Аграфеной зорево являлся Иванов день...

Из славянского изначалья, из глубокой русской древности пришли и выжили до минувшего столетия обряды Купалы: **купальские огни** – ночные костры, песни, пляски, хороводы, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, паренье в бане); **купание** – в росе, потом в реках или озёрах; **дерево Морена** – пляски вокруг дерева, погружение его в воду; **девичьи обряды**; **зарывание трав** – сбор целебных, чарующих трав и поиски волшебного, светоносного цветка папоротника, с помощью которого отыскиваются клады; **обереги от нечистой силы** – особо от ведьм, что, по суевериям, летают на Лысую гору для шабаша.

Огненные и водяные обряды в древности свершались для очищения души и плоти от скверны; купание и обливание водой – ещё и как обряд вымаливания дождя в засуху, чтобы земля была плодородной, а жёны и девки красны и чадородливы. Но давно сии языческие обряды утратили мистический смысл и обратились в таинственную и причудливую весёлую игру, а простодушные крестьяне, что в будни трудятся от темна и до темна, любили в праздники потешиться, повеселиться. Иные народоведы-ста-

ринари выражали сомнение, что в славянском языке был идол Купала и праздник в честь сего истукана; Сергей Максимов полагал, что «...купальские праздники совершались во времена язычества в честь свадьбы «бога» солнца (Ярилы. – Прим. А. Б.), супругой которого являлась светоносная Заря-зарница, красная девица... Купальские игрища и праздник совершались в честь солнечной свадьбы, одним из актов которой было купание солнца в водах. Считалось, что на Ивана Купалу все творческие силы земли и солнца в самом зените» (С. Максимов).

Купальские обряды в древности вершили холостые парни и девки – купались в реках и озёрах, скакали через ночные костры, искали приворотные травы, завивали хороводы и пели девичьи купальские песни.

*Ивановская ночка мала, невелика,
Невелика, мала, и я-то не спала.
Я-то не спала, Петра ключи брала,
Зорю размыкала, росу отпускала.
Роса медовая, трава шелковая.
Перед Петром пятым днём
Разгулялся Юрьев конь,
Разбил камень копытом.
В этом орехе ядро есть,
Так у девок правда есть.*

(Записано в сибирском селе Бородинка от Л. Т. Лазаревич, 1897 г. р., Я. С. Никитиной, 1861 г. р.)

* * *

Великомученик Георгий Победоносец – (303 (304) от Рождества Христова; дни памяти – 9 декабря, 6 мая, 16 ноября, 23 ноября) – любимый святой русского народа, обрусевший, величаемый *Егорием Храбрым, Юрием зимним*, коему посвящена уйма храмов, монастырей, церковных приделов и даже город Юрьев. И любовь к сему святому освящала в русской душе державные, имперские чувства, недаром образ Георгия Победоносца красовался в российском гербе и неслучайно Герб Московского царства – Егорий Храбрый на белом коне, копьём поражающий зелёного дракона, что являлось образом язычества.

Русский князь Ярослав Мудрый (1019–1054), во святом Крещении Георгий, в честь своего ангела-хранителя великомученика Георгия, повелел выстроить храм пред вратами Святой Софии. 9 декабря храм был освящён святителем Илларионом, митрополитом Киевским, и установлено ежегодное празднование в честь этого события.

В русском народе за крещёные века сложились долгие свитки дивных легенд и преданий, календарно-обрядовых песен, посвящённых Георгию Победоносцу, что по бедам носится на белоснеж-

ном коне, пособляя бедолагам, что под знамёнами Михаила Архангела, атамана Небесного воинства, со святыми Николой Чудотворцем, Ильёй-пророком, Сергием Радонежским – в числе покровителей, защитников Земли Русской. В древних сказаниях и былинах обрусевший Егорий Храбрый воспевается как искоренитель вражеского басурманства и оборонитель Святой Руси.

*Во святой земле, православной,
Нарождается желанное детище
У той ли премудрыя Софии;
И нарекает она по имени
Своё то детище Георгий,
По прозваньцу Храброй. <...>
«Соизволь, родима матушка,
Осударыня, премудрая София,
Ехать мне ко земле светло-Русской,
Утверждать веры христианские».
И даёт ему родимая матушка,
Она ли осударыня премудрая София
Своё благословение великое». <...>
Примает он,
Георгий Храброй,
Ту землю светло-Русскую
Под свой велик покров,
Утверждает веру крещёную
По всей земле светло-Русской.*

Изрядно народных легенд посвящено «Чуду Егоргия о змие», где Егорий Храбрый воспевается как атаман христианского воинства, повергающий семглавого змия – языческое многобожество. А в Забайкалье было записано с уст сказителей предание о Егории Храбром: «Где-то у озера жил змей. Он поедал девушек. И вот выпала доля идти одной девушке к змею <...> Но в это время туда подъехал Егорий с копьём на коне. Змей стал лизать копыта его коня, и Егорий его заколол копьём. Вот и носится по бедам Егорий Храбрый – отсюда и «победоносец». Он и от волков скот оберегал» (Ф. Болонев).

В русских легендах иногда замысловато сплетался образ святого Георгия с князем Георгием Владимировичем, храброй смертью павшим от татарской стрелы на реке Сити, который положил начало заселению Севера, укрепил города Владимир, Нижний, два Юрьева, которого любили в народе. В старину пелось о князе Георгии Владимировиче: «Егория, света, храбра, у которого по локоть руки в красной замше, по колено ноги в чистом серебре, а во лбу-то солнце, во тылу месяц, по косицам звёзды перехожие».

Георгия Победоносца, христианского воителя и православного покровителя лошадей, равно и былинных богатырей Киевских и Новгородских, особо чтили казаки.

Казачьи старики говаривали:

На Егория Храброго коням отдых, конский праздник, нельзя одевать узду, запрягать в телегу.

На Егория (покровителя коней) лошадь «кレストом» кормят, испечённым в Крещение Господне.

Будучи победителем страшного Змея <...> образ язычества <...> Егорий-змееборец в крестьянском мире также считался и повелителем змей, и молитвой ко святому Егорию мужики и бабы оберегали от ползучих гадов (полозов) и себя, и животину.

Крестьяне-христиане чествовали **Егория зимнего** (9 декабря) и **Егория вешнего** (6 мая); и по сему поводу поминали: «На году два Егория: один холодный, другой – голодный».

О Егории зимнем мужики толковали:

С Егория медведь засыпает в берлоге, а волки пасутся возле деревенских задворок.

Егория зимний – хранитель скота, повелитель волков, ибо о ту пору рыскают волки, ища добычу, и надо молиться от волчьей напасти Егорию Храброму.

Что у волка в зубах, тот при Егорьевых дарах – хоть и заслонишься от волков молитвой Егорию Храброму, но в сей день святой и волкам подсобляет находить добычу, поскольку их повелитель.

О Егории зимнем былинщики пели стёрину:

*Въехал Егория в леса дремучи,
Встретились Егорию волки прискучи,
Где волк, где два:
«Собирайтесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшных драки...»*

С Юрия холодного (Егория зимнего) вершились хозяйские сделки, шёл найм работников, делались расчёты, мужики при этом рассуждали: «Слово с Юрия холодного до Юрия тёплого; Мужик болит и сохнет по Юрьев день».

День Егория летнего обрядово богаче, нежели день Егория зимнего. Крестьяне считали, что Егорию Храброму даны ключи от неба и земли и он отпирает небо, давая волю солнцу и звёздам силу. В народе также полагали, что Егорий вешний отпирает росу.

*Юрий, вставай рано – отмыкай землю,
Выпускай росу на тёплое лето,
На буйное жито –
На ядрёнистое, на колосистое.*

На Егория вешнего девицы умывались утренней росой или катались по росной траве, чтобы стать

125

пригожими, как утренняя зорька, чистыми, как юрьева роса. Парни же купались в росе с надеждой быть сильными и здоровыми, как юрьева роса.

А приметливые старики говорили:

Юрьева роса от сглаза, от семи недугов.

Гони животину на юрьеву росу.

На Юрия роса – не надо коням и овса, сытна, целительна росная трава.

На Егория роса – будут добрые проса.

Святой Георгий у русских крестьян – покровитель пастухов и домашнего скота, отчего святого звали и Егорья-скотопас. «В этот праздник по весне в некоторых местностях закликали весну, так как этот день был сроком хозяйственных условий и временем выгона скота. О Егорьевом дне жила приговорка: «В поле стадо гонять и Егорья окликать».

Есть и такое Егорьево окливание:

*Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого!
(М. Забылин)*

На Егория ребятишки ходили по дворам, оклика-ли Егория и выпрашивали гостинцы, обычно варёные яйца. В «Русском земледельческом календаре», составленном А. Ф. Некрыловой, есть оклика-ние Егория, записанное в наши дни от Клавдии Александровны Сафоновой из Костромской обла-сти: «Перед тем как выгнать скотину на пастбище, ребятишки, подростки обычно ходили по домам с барабанками, шергунцами, трензелем, бубном и пели песню, так называемую «Батюшка Егорий». За это им подавали так называемую мзду: кто яичек, кто денег, кто гостинцев, кто чего. Вставляли при-мерно в два часа ночи и вот будили всю окрест-ность пением.

*Мы ранёшенько вставляли,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали,
В поле ходили,
Кресты становили,
Кресты становили,*

*Егорья вопили:
– Батюшка Егорий,
Макарий, батька храбрый,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесу и за лесом.
Волку, медведю,
Всякому зверю –
Пень да колода,
На раменье дорога.
Тётушка Анфисья,
Скорее пробудися,
В кичку нарядися,
Пониже окрутися,
Подай нам по яичку,
Подай по-другому.
Первое яичко –
Егорию на свечку,
Другое яичко –
Нам за труды
За егорьевские.
Мы ходили, хлопотали,
Трое лаптей изодрали,
В кучку покидали,
В бочаг покидали,
Чтобы наши не узнали,
Чтобы нас не заругали!*

126

Дальше следовало подавание. Если подавали хо-рошо, то, значит, ребята благодарили:

*Спасибо тебе, тётка,
На хорошем подаянье!
Дай тебе Бог
Подольше пожить,
Подольше пожить
Да побольше нажить –
Денег мешок
Да белья коробок,
Двадцать телушек,
Всё годовушек,
Десять быков,
Всё годовиков,
Всё полугодовиков!*

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не по-давали. Тогда ребята пели неприятную поговорку:

*Неспасибо тебе, тётка,
На плохом подаянье!
Дай тебе Бог
Подольше пожить
Да побольше нажить –
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей.*

На день Егория (Юрия) вешнего старики приме-
чали:

Юрий на порог весну приволок.

Егория землю отмыкает.

Егорий Храбрый зиме ворог лютый.

*Промеж гор лежит бугор, пришёл Егор, унёс бу-
гор (снег).*

*Святой Георгий красную весну на Красную горку
начинает, пророк Илья лето кончает, жито зачинает.*

Егорий из-под спуда зелену травку выгоняет.

Егорий с полувозом, а Никола с целым возом.

*На Руси два Егорья: холодный да голодный,
а везде Божья благодать.*

На Егория выезжает и ленивая соха.

*Ранний сев ярового с Егория, поздний – с Ере-
мея.*

*Коли на Егорьев день лист в полушку, на Ильин
день клади хлеб в кадушку (можно ожидать урожай
раннего сева уже на Ильин день).*

На Егория мороз – под кустом овёс.

*Сена достает: у дурня до Юрья, а у разумного до
Николы.*

*Святой Юрий коров запасает, а Никола коней
(коровы могут пастись уже с Юрия, кони – с Ни-
колы).*

* * *

**Славные и всехвалыные первоверховные
апостолы Пётр и Павел (67; память – 12 июля)** –
этот день в народе именовали *Петры и Павлы*, *Пе-
тров день*, *Петровки*. В сей день завершается Апо-
стольский (*Петровский*) пост – *петровки-голодов-
ки*, как их прозвали в народе, или *голодный пост*,
который начинается через неделю после праздни-
ка Святой Пятидесятницы и продолжается до
12 июля. На Петра и Павла народ православный
разговлялся; в старину Петров день называли *Пе-
трова говейно*. А «петровский пост в крестьянской
среде соблюдается во всей строгости церковного
устава, а день «заговин» считается праздничным
днём» (*С. Максимов*).

В Петров день – дневные и ночные весёлые гу-
ляния. «Иностранцы... удивляются, что русские в
течение года держат жён и дочерей взаперти, редко
отпуская даже к родным в гости или в церковь, в
Петров день позволяют им гулять, качаться на каче-
лях, водить хороводы и пользоваться другими заба-
вами. <...> В Саратовской губернии накануне Пе-
трова дня провожают весну. Мужчины и женщины
рядятся разного рода шутами и привязывают не-
сколько телег одну к другой гусём, катаются на них
из конца в конец селения и заключают праздник хо-
роводами. В Симбирской и Пензенской губерниях
это бывает в заговение Петровского поста. В Твер-
ской губернии с первого воскресенья после дня св.

Петра и Павла начинаются ночные гульбища, назы-
ваемые Петровками, которые продолжаются до
Первого Спаса» (*М. Забылин*).

«В с. Архангельском (Забайкалье. – *Прим. А. Б.*),
по сообщению А. К. Рассохиной, «разнаряженные»
девки собирались на межу к реке Чикюю. Восьмёрку
(карагоды) водили. К этому дню стряпали пирожки,
драчены, резали поросёнка, приводили ребят чае-
вать. В Петров день, бывало, красно на протоке.
Все гуляют. Кукушке разрешено куковать с Николы
вешнего по Прокопьев день, то есть после Петрова
дня она кукует всего восемь дней» (*Ф. Болонев*). В
некоторых деревнях и сёлах варили на Петра и Пав-
ла канун (обрядовое пиво, квас), красили варёные
яйца, как на Пасху Христову, в жёлтый цвет, и все
эти напитки-наедки уносили в рощи, к вольным во-
дам, где и было гуляние.

Святые апостолы Пётр и Павел почитались кре-
стьянами как покровители рыболовства и рыбаков;
более того, среди приморских, приозёрных, при-
речных поселян апостол Пётр прозывался рыбако-
вом, ибо из рыбаков и вышел и сподобился от Го-
спода Бога своего Учителя улавливать в духовные
сети людские души для их спасения. «Рыбаки моли-
лись ап. Петру, который был сам по занятию рыба-
ком и был призван к апостольскому служению в то
самое время, когда занимался рыбной ловлей. От
народного внимания не ускользнуло и то обстоя-
тельство, что Сам Христос благословил занятие Пе-
тра, и, как замечает Евангелист, после этого благо-
словения апостол поймал так много рыбы, что от их
тяжести едва не разорвались сети. Сама Церковь
считает уместной молитву св. апостолу Петру как
покровителю рыбного промысла. Так, например, в
Требнике Петра Могилы есть чин на освящение но-
вых сетей, и здесь, между прочим, читаем: «Сам
Владыко Всесильный и предлежащие сети благо-
словити и в ловитве Твоим Божественным благо-
словением множеством рыб на пищу Твоим рабам
всегда исполни, молитвами Преблагословенныя
Владычица наша Богородицы и св. славных и всех-
валыных апостол Петра, Фомы, Нафаила, Иоанна и
прочих рыбакам ловцев бывших» (*М. Козлов*).

«Молитвенное обращение к обоим апостолам
(Петру и Павлу. – *Прим. А. Б.*) забыто народом в Рос-
сии, но сохранилось зато в Сибири. <...> На Ангаре,
где развито рыболовство, считается обязательным в
праздничную «еству» (пищу) вводить рыбу, предпо-
чтительно свежеизготовленную. <...> Еда «шербы»
(ухи) за столом сопровождается почтительным «при-
гласьем», читаемым громко одним из старших чле-
нов семьи: «Петры-Павлы! Садитесь хлеба-соли ку-
шать: вам каша, нам чаша; вам рыбка, нам шерба
(похлёбка. – *Прим. А. Б.*)» (*А. Макаренко*). «Рыбаки
ему молятся (Петру. – *Прим. А. Б.*), служат молебны,
а в некоторых местах устанавливают даже обычай

ежегодно, в день 29 июня, собирать Петру-рыболову на мирскую свечу, которая и становится в храме перед его образом» (С. Максимов).

Но хоть и с молитвой Христовой приступал ранешний рыбак к лову, а и, суеверный, водяного хозяинушку забыть не мог. «Удачи рыбаков также находятся во власти водяных. Старики до сих пор держатся двух главных правил: навязывают себе на шейный крест траву Петров крест (заячий горошек), чтобы не «изурочилось», то есть не явился бы злой дух и не испортил всякого дела, и из первого улова часть его или первую рыбу кидают обратно в воду как дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идёт ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Некоторые старики-рыболовы доводят свои угождения водяному хозяину до того, что бросают ему щепотки табаку («На тебе, водяной, табаку; дай мне рыбку») и с той же целью подкуривают снасть богородской травой» (С. Максимов).

Одним из самых старинных обрядов на Петров день можно считать обряд, когда наши крестьяне выходят караулить солнце, смотреть, как оно будет играть на утренней заре. «Это верование, известное исландцам, сохранилось только в Тульской губернии. Поселяне всех возрастов собираются на пригорки, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начинает восходить солнце, все испускают радостные клики. Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, как спрячется; то возойдёт вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами – голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ничьи глаза не стерпят» (И. Сахаров).

Когда играет солнышко, девицы голосисто выводят солнечные заклички:

*Ой, Ладо! Ой, Ладо! На кургане
Соловей гнездо завивает.
А иволга развивает.
Хоть ты вей не вей, соловей!
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим деткам вывожатым,
Не летать им по дубравам,
Не клевать им яровой пшеницы!
Ой, Ладо! Ой, Ладо!*

Пели девушки о сем, поскольку с игрой солнца на Петров день связывали свои любовные надежды, веру в то, что придёт счастье и Божий венец покроет их головы.

Про Петровки крестьяне толковали:

С Петрова дня – красное лето, зелен покос, зарница хлеб зарит.

На Петров день и солнышко играет.

Женское лето по Петров день (потом забот вдвое – покос).

Первый Спас час припас, Пётр и Павел два прибавил, Илья-пророк три приволок (удлинение ночи).

Придёт Петрок – отщипнет листок, придёт Илья – отщипнет два.

Строй косы и серпы к Петрову дню, так будешь мужик.

Если за неделю до Петрова дня помочит – с хлебом будешь.

На св. Петра один дождь – урожай не дурной, два дождя – хороший, три – богатый.

Цветы и овощи пересаживай и подсаживай до Петров-Павлов, позже – беспрокло.

До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса засеять (озимые).

* * *

Святая мученица Параскева, наречённая Пятницей (III век; память – 10 ноября), жила в Иконии <...>. «Всем сердцем возлюбила юная Параскева чистоту и высокую нравственность девственной жизни и дала обет безбрачия. Она захотела посвятить свою жизнь Богу и просвещению язычников светом веры Христовой. На этом праведном пути суждено было Параскеве, носившей в имени своём память о дне великих Страстей Иисусовых, приобрести и в своей жизни к Страстям Христовым через телесные муки» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Наряду с вышеупомянутыми святыми возлюбили русские крестьяне и Параскеву-пятницу, по народному обычаю вообразив её целомудренной деревенской девой, облачив её имя поэтическими мифами. В легендах о святой деве слышался лишь некий нравственный отзвук её жития...

Неисповедимыми путями Господними простой русский народ, христолюбивый и человеколюбивый, наделил святую Параскеву Пятницу и особым церковным почитанием... Ей посвящены храмы, иконы... и трогательной народной любовью – с её именем связаны многие народные обряды, поэтические легенды, ей посвящено немало источников.

Святая Параскева Пятница, орусев, стала покровительницей полей и скота, а в избранных уездах, волостях и покровительницей вод, целебных источников. А посему в день её памяти крестьяне приносили в храмы для освящения плоды земные; молились о сохранении скота от падежа. Иконы, часовни в честь святой мученицы Параскевы ставились у источников, воды которого охранял святой и чистый дух праведницы. Святую Параскеву величали *бабьей святой*, заступницей честных жён, что незримо промышляет повоём – принимает новорождённых

128

чад. Святая Параскева Пятница почитается также как охранительница семейного благополучия и счастья, как целительница от самых тяжких душевных и телесных недугов.

Русское простолюдье от умиленной любви к святой Параскеве, от природной тяги к побывальщине сложило изрядно удивительных, назидательных легенд, связанных с мученицей, святой целомудренностью своей восхитившей крестьянок. Согласно причудливой легенде, деревенская дева шла в пустынный скит, дабы обрести ангельский чин, но по дороге на деву напал сладострастник, чтобы принудить ко греху. Но коль Параскева люто противилась, то насильник убил её и закопал в землю. Долго ли, коротко ли, а из колен убиенной выросли три липы, прозванные Исколена.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, о святой так говорится: «Жители ближней деревни стали почитать их, срубили возле лип часовенку, где установили образ святой Параскевы Пятницы. По народным преданиям выходило, что вроде это и была сама мученица Параскева. Три липы, прозванные Исколена, стали народной святыней. <...> В народном почитании святой Параскевы Пятницы мы слышим некоторые отзвуки языческого природооодухотворения, как и вольное легендарное толкование реального образа святой мученицы Параскевы, наречённой Пятницей, – в этом выразилось печальное и грешное, причудливое переплетение истинной веры в Бога с многочисленными суевериями, вынесенными из славянского язычества и не изжитыми за много веков после святого крещения. <...> К мифической Исколене <...> к деревьям, сросшимся или раздвоенным, растроеным <...> приходили деревенские девицы и с молитвой просили духовных сил на целомудрие, просили и прощения за уже совершённый грех. Через такие диковинные деревья, посвящённые святой Параскеве, прозываемые в народе ещё и разлуками, проносили детей, прося святую Пятницу об исцелении чад.

«Бысть некогда в пошехонском пределе, при реках Ияре и Уломе, церковь св. пророка Илии, и тамо растяще древо, зовомое рябиною. Прихождаху же священники из близлежащих весей и приносяху образ святой Параскевы, наречённой Пятницы, молебные пения совершающе. Людие же для получения здравия сквозь оное дерево пронимаху дети своя, иные же, совершенного возраста и сами пролазаху и получаху исцеления» (*Из жития Андриана Пошехонского, чудотворца (1550)*).

* * *

Календарное уничтожение святых... Завершая главу, посвящённую русскому месяцеслову, где мифологически воплотились и библейские события, и

жития святых, грех не покаяться: крестьяне, будучи более набожными в сравнении с дворянами и разночинцами, тем не менее **тяжко прегрешали**, когда по безграмотности иных христианских святых, не соотнося с подлинным житием, сближали с мирской жизнью; и, переложив их имена на просторусский языковой лад, ввели сии святые имена в природно-хозяйственный, крестьянский месяцеслов. Православный церковный календарь, содержащий жития святых, на русском языке изложенных по руководству Четых Минея святителя Димитрия Ростовского, изобилует памятными священномучеников и священномучениц, мучеников и мучениц, страстотерпцев, пострадавших за Христа, имена коих, хотя изредка, но всё же использовались в крестьянском месяцеслове для обозначения времени года, страды, погоды и даже ветхих языческих поверий, отчего святые имена заземлялись, огрублялись и духовно уничтожались.

Скажем, христианская **мученица Дария (283; день памяти – 1 апреля)**, в святой череде первохристиан принявшая мученический венец за Христа от древнеафинских язычников, в крестьянском календаре «величалась» *Дарьей-грязнопролубницей, Дарьей засори пролуби*, а бывало, мужики и похлеще «величали» <...> Припекало вешнее солнышко, возле коровьих пролубей подтаивал лёд, а в проталинах застаивалась навозная жижа; и 1 апреля по деревенской приваде народ от мала до велика выходил на лёд убирать возле пролубей навоз и вывозить его, дабы при таянии льда навоз не ушёл в воду, поганя реку или озеро. По сей причине мученица Дарья в деревенской среде и обратилась в *Дарью-грязнопролубницу*; но дурнее сего, когда безбожники ернически дразнили её *Дарья-вралья*, ибо по дурацкому обычаю в сей день *врали* друг другу: «*Первый апрель – никому не верь*»; а в прошлом веке обыватели, одержимые бесом ерничества и шутовства, сей *завиральный* день прозвали Днём смеха.

А день памяти **святого Трофима (276; память – 2 октября)**, мученически погибшего от римских язычников, в народном месяцеслове именовался *Трофим*, и деревенские парни и девчата в сей день устраивали Трофимовские вечерки и на буйных посылках выбирали женихов и невест. Насколько строги были родители в обычные дни, вспомним суровый русский домострой, когда детей, а дочерей особо, держали в ежовых рукавицах. Настолько снисходительно смотрели на веселья молодых в избранные дни, когда шёл выбор невест и женихов, хотя, конечно, за свершённый грех могли и сурово покарать без долгого суда. Трофимовские вечерки ещё в прошлом веке проходили весело, порой и с буйными играми, близкими к древнерусским языческим обрядам. Подобные обрядовые игры допу-

скали даже поцелуи между девицей и парнем, избравшими друг друга. Даже песни на вечерках звались поцелуйными.

А в день **священномученика Никиты** (ок. 372; память – 28 сентября), в народе прозванного *гусарем, гусятником*, по деревням и селам вершились лихие обряды, а перво-наперво, жестокие гусиные сражения, а меж тем, «покровитель» гусей, святой Никита принял великомученический венец от язычников готфов, не отрекшись от Христа, не принеся богомерзкую жертву идолам.

Священномученик Иерофей, епископ Афинский был обращён ко Христу вместе с Дионисием Ареопагитиком апостолом Павлом. По преданию, святой Иерофей был при погребении Пресвятой Богородицы, а позже принял мученический венец за Христа Бога. Скончался мученической смертью. А суеверные крестьяне считали, что на Ерофея *лешие дурят в лесу* – кричат лихоматом, хохочут, хлопают в ладоши, ломают деревья, гоняют зверьё, а потом проваливаются сквозь землю и спят в недрах до вешней оттепели. «Во весь день ветер воет по лесам, птицы не смеют прилетать к деревьям. Об мужике и говорить нечего: ни за что из доброй воли не пойдёт в лес. Леший не свой брат – переломает все косточки не хуже медведя» (И. Сахаров).

Так же обошлось простолудье с именами иных святых, коих по святцам да на свой природно-крестьянский лад, вольно и грубовато именовали в народном месяцеслове. Так, мученица Акилина (ок. 284–305; память – 26 июня) в крестьянском календаре – Акулина задери хвосты и побегай в кусты (о ту пору крупный рогатый скот одолевали комары, пауты и мошка). А про великомученицу Варвару (305–311; память – 17 декабря) и преподобного Саввы Освященного (V век; память – 18 декабря) так говаривали: «Саввы-Варвары ночи урвали, кур воровали, под печку клали» (в дни памяти сих святых трещали морозы, особо по ночам, и крестьяне заносили кур в избу, усаживали под печку).

Повторю, редкие святые столь грубо именовались в крестьянском месяцеслове, чаще звучало либо имя святого (скажем, *Амвросий, Евстрат, Модест, Анисья, Маланья, Петры и Павлы...*), либо имя святого с добавлением покровительства, времени года, страды: Наум-грамотник, Никола зимний (*летний*), Анна Зачатье, Зиновий-синичник, Спиридон-солнорот, Анастасия-узорешительница, Григорий-летоуказатель, Федосей-весновой, Татьяна Крещенская, Петр-полукорм, Антон-перезимник, Афанасий-ломонос; а чаще именовалось – *чей*

день: Иванов, Петров, Селивёрстов, Макарьев, Васильев...

Кроме уничижения неких святых имён, простолюдые, случалось, толковало о мучениках, страстотерпцах, исповедниках, преподобных не по житиям их, а что в дурную голову взбрёт, что на грешную душу падёт, что явится в причудливом, порой и грубом воображении. Подобному уничижению в крестьянском календаре подвергся среди прочих и преподобный Кассиан (Иоанн Кассиан) Римлянин (435; память 13 марта), о чём упоминается в главе про Николая угодника.

Разумеется, верили легенде про Касьяна Немилостивого лишь несведущие в житиях святых, тяжко прегрешающие крестьяне, что и говаривали о грешно измышлённом, легендарном Касьяне, прозванном *немилостивый, завистливый, злопамятный, коварный*: «Касьян на что взглянет, то и вянет; на лес взглянет – лес мрёт», ибо день его памяти бывает лишь раз в четыре года, и это обычно тяжёлый, високосный год. «О Кассиане идёт суеверные сказание, что «...он приставлен на стражу ада, и Господь отпускает его на отдых в четвёртый год; тогда 12 апостолов вместо его становятся на страже» (И. Снегирев).

А преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (435), ничего общего не имеющий с Касьяном из народных легенд, – великий любомудр, будучи иеромонахом, написал более десятка богодухновенных книг и заслужил похвалу преподобного Иоанна Лествичника (память 30 марта): «...Великий Кассиан рассуждает превосходно и возвышенно...».

И сей святой в крестьянском календаре – Касьян-немилостивый, что в легендах унижительно сравнивался с Николаем Угодником, которого любил и любит русский крещёный люд.

Уничижительно используя в природно-хозяйственном календаре имена святых, унижая и огрубляя их в легендах, крестьяне тяжко прегрешали, за что и осуждали их православные боголюбы и богомолы. Не читавшие Святого Писания, Четьих Миней по безграмотности, хотя и слышавшие на божественных литургиях, сельские жители относились к христианским святым с коленопреклонной, молитвенной любовью, но в обыденной жизни, забывая о их душеспасительном промысле, по-свойски сблизжали святых с крестьянской жизнью, обыденной и праздничной. Прости, Господи, как прощаешь чад скудоумных...

(Продолжение следует)

